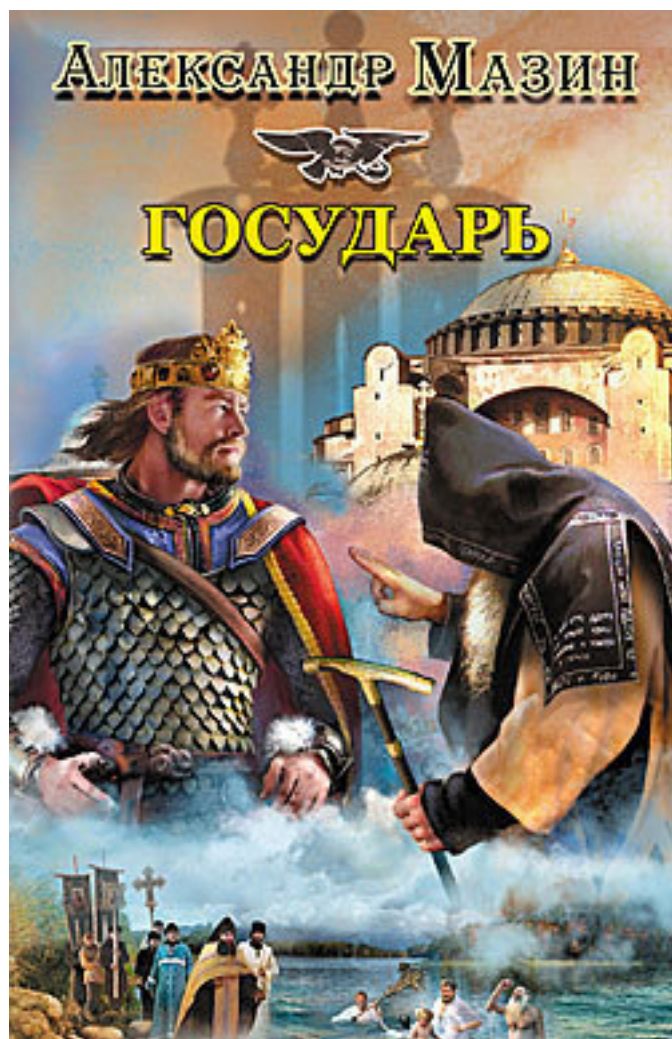

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ГОСУДАРЬ

Варяг

Александр Мазин

Государь

«Автор»

2013

Мазин А. В.

Государь / А. В. Мазин — «Автор», 2013 — (Варяг)

Седьмая книга «Варяжской» исторической серии Александра Мазина. Крещение Руси, становление Государства, войны, политика, приключения воеводы киевского Сергея Духарева, его сыновей и, главное, подлинная история великого князя и государя Владимира Святославовича.

© Мазин А. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вступление от автора	6
Пролог	11
Часть первая. Канун новой жизни	12
Глава первая. Добрые и дурные вести	12
Глава вторая, в которой воевода Сергей отправляется в зимний марш-бросок	18
Глава третья. Печенежские пляски	24
Глава четвертая. Великий князь Владимир и тонкости византийской политики	29
Глава пятая, в которой мирное путешествие заканчивается кровавой сечей	34
Глава шестая. Игра на добивание	45
Глава седьмая. Артём Сергеевич, князь уличский	48
Глава восьмая, в которой великий князь Владимир сменяет гнев на еще больший гнев и пытается узнать, какая вера – правильная	51
Глава девятая. Великий князь и посол византийского Василевса	55
Глава десятая, в которой воеводе Сергею предлагают сплавать в далекие края	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Мазин Государь

© Александр Мазин, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление от автора

Крещение Руси.

До недавнего времени это событие считалось началом отечественной культуры и государственности.

И вдруг всё изменилось.

Теперь отсчет велено начать с другой даты, по-своему тоже замечательной: призвания варягов во главе с Рюриком.

О причине подобной смены приоритетов догадаться несложно. Процессы, разорвавшие единство Советского Союза – прямого территориального наследника Великой Российской империи, привели к тому, что Киев теперь – вне территории России. Весьма обидно для тех, кто привык исчислять генеалогию от великого князя Владимира. Князя киевского. Однако для мировой истории этакий фортель – обычное дело. Императорам Восточной Римской империи, считающим себя (и не без оснований) законными наследниками великого Рима, тоже, полагаю, было неприятно видеть в Риме завоевателей-германцев. Но никому из них не пришло в голову перенести точку исторического отчета римской государственности в какое-нибудь другое, подвластное константинопольским императорам, место. Или начать отсчет римской истории, скажем, с падения Трои. А троянца Энея объявить первым настоящим римлянином.

Однако не объявили. Даже не пытались. Потому что речь шла не о родоначальнике (тут первенство Энея трудно оспаривать), а о рождении государства. Великой Римской империи. В делах же государственных, равно как и в прочих больших и малых играх, львиная (и заслуженная) доля славы достается не тем, кто ввел мяч в игру, позаботился о доставке его к воротам противника и даже не автору голевого паса, а тому, кто забил гол. И это справедливо. Промаяхнись он – и все предыдущие усилия бесполезны.

Но попробуем разобраться: действительно ли Владимир – тот, кто «забил» наш исторический «гол» и создал Государство? Он ведь далеко не первый в ряду славных киевских (Рюрик, кстати, единственное исключение) князей.

Олег, Игорь, Ольга, Святослав – все они жили раньше Владимира. И Русь при них уже была. Как социальная группа – точно. Зафиксировано независимыми источниками. И зависимыми тоже.

Так кто же из них, великих и славных? Если не Владимир, то кто и когда?

Что же говорит по этому поводу наша «базовая» «Повесть Временных Лет»?

«В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царыград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим...»

Вполне определенно. 862 год. Правда, ничего не говорится о том, что это была за Русь и кто ее возглавлял. Но уже ясно, что не Рюрик.

Выходит, Русь была еще до призвания варягов. И представляла серьезную силу, если даже ромеи соизволили ее заметить. Но можно ли верить нашему главному отечественному хронисту?

Я далек от того, чтобы считать ПВЛ безупречным источником. Порой фантазия того, кого принято называть Нестором-летописцем, ничем не уступает оной у популярных ныне Фоменко с Носовским, пусть даже цели у древнего хрониста и были куда благороднее. Однако, если уж брать за основу наш главный и непогрешимый, если верить школьной программе, литературный источник – «Повесть Временных Лет» (а тема Рюрика исходит именно оттуда), то 852 год – самый подходящий.

Но – не подошел.

862-й показался перспективнее.

Почему?

Что говорит нам ПВЛ?

А она говорит: грабили предков будущих российских граждан все кому не лень.

«...Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма...»

А в году 6370-м, а по нынешнему исчислению 862-м, случились события поистине замечательные.

«...Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть».

Но, к сожалению, недолго. К тому же году относится и другая запись:

«...и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Вот так и возник в нашем историческом прошлом князь Рюрик.

Лично мне версия, предложенная ПВЛ, кажется сомнительной. Даже если забыть о той «руси», что, по мнению летописца громила византийцев десять лет назад, идея о том, что словенско-чудский племенной конгломерат признал себя неспособным к мирному сосуществованию, учредил общее (!) посольство, и не к кому-нибудь, а к своим исконным врагам, – предложением взять их, бестолковых, «под крышу», такая идея, на мой взгляд, абсолютно фантастична. Другое дело, если уже имеется некий лидер, окучивающий оные племена, но нуждающийся в сильном союзнике. Тогда – нормально. И выбор тоже правильный. Викинги – серьезные парни. Есть, кстати, и кандидат подходящий, Гостомysl. Но об этом – ниже. Вернемся к базовому варианту «Повести Временных Лет».

Так вот, согласно «главной» ПВЛ, в 862 году пришли (точнее, вернулись, потому что чуть раньше, но в этом же 862-м им дали коленкой под зад) на земли нынешнего Северо-Запада чужаки-иноплеменники варяги – и навели порядок. Создали государство русское, а впоследствии – Великую Российскую империю. И имя свое оному государству дали.

«И от тех варягов прозвалась Русская земля, – вопреки собственному утверждению, сообщает летописец, и особо уточняет: – Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Но все же попробуем разобраться, каким именно было «бытие» тех, кто «были прежде». Определим, так сказать, уровень их «не знавшей порядка» организации.

Но сначала уточним, что есть государство. В нескольких словах.

Единый лидер, единый закон, единый язык, единая (основная) культура, единая финансовая система.

Было? Было! Не то чтобы очень большое, но – да. И столица у этого протогосударства имелась. Ладога. Которая была (и есть, отмечу) устроена существенно раньше 862 года. Насколько мне известно, именно Ладога занимала среди окрестных земель лидирующую роль. Даже собственную валюту изготавливала – стеклянные бусины (высокие технологии по тем временам), валюту достаточно «твердую», чтобы приобретать на нее реальные ценности.

Вот доказательство «первородства» Ладоги покруче, чем очередная фиктивная могила «киевского князя» или «княгини».

Но раз прототип государства существовал и до 862 года, то в чем историческая заслуга Рюрика сотоварищи? В том, что они заняли ключевые места (вытеснив коренное население) и замкнули на себя «финансовые» потоки?

Весьма интересный вариант «основателей» получается.

Если исходить из подобной логики, то историю, например, Британии следует начать с того момента, когда ее захватили норманы Вильгельма Завоевателя.

Раньше, мол, были тут всякие англ и саксы, а теперь править будут правильные парни скандинавского корня.

Но почему-то никто не стал переименовывать Великобританию в Великононормандию, а британцев до сих пор называют англосаксами.

Многие мне возразят: неудачный пример. Вильгельм Британию завоевал в бою, разгромив английского короля Гарольда, причем напав на Гарольда сразу после того, как тот в тяжелой битве разбил другого претендента на Англию – короля Норвегии Харальда Сурового. А Рюрик получил новых данников вполне мирно – был приглашен союзом разодравшихся (чувствуете, какой оксюморон) племен или (куда более вероятно) был призван «на царство» местным правителем – князем Гостомыслом. Ну так давайте с него, Гостомысла, и начнем «исторический отсчет». Если уж он призвал Рюрика править, значит, было куда и чем. Чем плох «день Гостомысла»? А поскольку точной, с указанием года, датировки вокняжения одного Гостомысла не имеется, так давайте забудем о некоторых противоречиях, согласимся с Нестором и объявим «годом основания» 852-й. Почему бы и нет?

А потому, возразят мне, что очень многие серьезные ученые дяди считают летописного правителя Ладоги и предшественника Рюрика Гостомысла вымыслом. Ведь в самом древнем (12 века) списке летописи его нет, а появляется он лишь в документах 15 века. Кстати, «призывателем» варягов Гостомысла именуют в еще более поздних источниках.

Однако можно ли считать истинно верным самый старый документ только потому, что он – самый старый?

Между веком девятым и двенадцатым – триста лет. И лично присутствовать при событиях того времени не мог ни сам летописец, ни его предки минимум до десятого колена. А если допустить, что легендарный Нестор пользовался более древними документами, то почему не сделать аналогичное допущение и для хронистов века пятнадцатого?

А если предположить, что создатель ПВЛ, описывая приход варягов, опирался исключительно на сказания и предания, то и существование Рюрика следует взять под сомнение, не говоря уж о точности датировки.

История – занятная наука. Она как квантовая физика. Частенько вместо конкретного факта-точки мы имеем некий «вероятностный отрезок», в который укладываются все более-менее достоверные сведения. Наша задача – определить границы этого отрезка, а также изучить и проанализировать то, что оказалось внутри. Что мы только что и проделали. Изучили. Проанализировали. Сделали вывод: никаких исторически обоснованных «преимуществ» у года 862-го перед годом 852-м не имеется. Но, изучая прошлое, не следует забывать о настоящем, потому что оно, настоящее, не только результат прошлого, но и самый заинтересованный его... Как бы так помягче выразиться... Интерпретатор.

Итак, какой у нас нынче год? 2012-й.

Вот оно, заветное главное условие. Вот где, как выражаются кладоискатели, собака зарыта! Надо, чтобы дата для общероссийского праздника «основателя» получилась покруглее. Дашь 1150-летие Руси!

Нет, я не против праздников и юбилеев. Лишний раз вспомнить старину, пусть даже и чуток подправленную и приукрашенную, дело доброе.

Обидно другое. Год 2012-й пройдет (в общий абзац, предсказанный майя-поклонниками, я как-то не верю), а официальная передача лавров основателя русского государства Рюрику останется. Войдет в учебники и лекции университетских историков, которым звания и гранты дороже истины. И будет так. Запечатлеется навеки в сознании российского народа: именно варяг Рюрик создал государство Российское.

При всем моем уважении к скандинавским конунгам, к викингам, варягам и Рюрику в частности, создание государства – это не захват и «постановка на дань» коренных обитателей местности, где «прежде были словене». Да и взятие под контроль не слишком большой территории с городом Новгородом в центре никак нельзя считать основанием будущей великой империи. Тот же князь Олег – куда более масштабный устроитель. Это ведь он прошел победоносно от Новгорода до Константинополя, попутно подмяв под колено и Киев. Именно Олег собрал и подчинил себе многочисленные племена, отметился в зарубежных хрониках и заключил договор с главным торговым партнером Древней Руси Византией, то есть заложил будущего государства основу.

Что ж, с этим я бы согласился. С «основой». Но не более.

Потому что одной силы для создания государства – недостаточно. Проходят десятилетия, а то и годы – и захватчики растворяются среди коренного населения и становятся одним из населяющих территорию племен.

Для создания настоящего государства нужен стержень. Культурный, духовный, единый для всех входящих в пределы державы племен. Четкий вектор, ведущий державу в будущее.

И создал его не Олег, и уж тем более не Рюрик, а тот, кому по праву принадлежит звание создателя русского государства. Тот, кого ради «одноразового» юбилея пытаются спрятать в тени его героического (кто спорит!) прадеда Рюрика. Великий князь киевский Владимир. Вот первый кесарь-государь русский!

Чем больше я изучаю личность Владимира, его историю, его деяния, тем яснее осознаю масштаб этого потрясающего человека.

Признаюсь, когда-то он казался мне другим. После свершений его отца Святослава, величайшего полководца, покорителя царств, Владимир выглядел князем так себе. Братоубийца, который сначала ставил кумиров, потом их жег. Человек, который, если верить ПВЛ, «продал» византийскому императору собственных воинов... Князь, наплодивший сыновей и не позаботившийся о нормальном престолонаследии. Неважный правитель, плохой отец (как-никак, против него восстал собственный сын Ярослав), единственным достоинством которого можно считать Крещение Руси...

Но достоинство ли это? Стоит сравнить его методы (описанные в различных вариантах летописей) с методами княгини Ольги, тоже христианки и весьма прогрессивной правительницы, и возникает вполне справедливое сомнение... Нет, не в том, что сделал Владимир... В том, *как* он это сделал.

А что было бы, если бы победил не Владимир, а Ярополк? Может, убитый брат справился бы с духовным обращением Руси не хуже, а лучше?

Нормальный вопрос для того, кто пытается понять исторические процессы, какое бы время он ни изучал.

Например, что было бы, если бы в противостоянии Петр Первый – царица Софья победила последняя? И процесс европеизации России, процесс неизбежный и закономерный, проводился не склонным к паранойе и крайностям Петром, а этой неглупой женщиной, имевшей куда больше прав на престол, чем, например, будущая императрица Анна Иоанновна? И был бы тогда сей переход более успешным, продолжившимся в потомках, и уж точно куда менее кровавым...

Замечательный повод для писателя-альтернативщика поупражнять фантазию. Но писателю-историку подобные допуски делать не подобает.

Их много, критических временных точек, когда те или иные правители-победители поворачивали развитие своих государств и народов.

А если бы на их месте были другие, проигравшие...

Но они проиграли. Точка. Госпожа История, как очень мудро замечено, «не терпит сослагательного наклонения».

Зато ее можно переписать. И не в художественной литературе, а по-настоящему, «по-научному». В угоду политической конъюнктуре, ради очередного научного звания... Или нечаянно – из-за собственного невежества или острого желания, чтоб всё было именно так.

Никто не может заглянуть в прошлое.

Зато любой может, изучив факты, материалы, сопоставив достоверность тех или иных источников, прийти к определенным выводам... нет, не единственно верным (не точка – отрезок, а еще точнее – территория вероятности), но куда более точным и справедливым по отношению к ее, Истории, героям.

И изменить собственное мнение, если факты противоречат тому образу, который возник и устоялся в сознании...

Всё, что было сделано Владимиром Святославовичем со дня его вокняжения в Киеве, – сделано во благо будущего государства. Даже разрушение церквей и устройство капищ есть не что иное, как попытка создания того самого «внутреннего стержня». А то, что случилось потом: превращение языческого князя Владимира во Владимира Святого – это Чудо. Знак Свыше. Знак Избранности. И царская корона, увенчавшая голову Владимира, женившегося на дочери и сестре императоров Византии Анне, которую прежде пытались сосватать и французский король, и германский император, – справедливая награда за то, что свершил сын великого Святослава. А те, кто упрекал и упрекает Владимира в жестокости... Им я предлагаю сравнить деяния его с методами насаждения Истинной Веры, которые использовали владыки-современники великого князя киевского. И вспомнить, что сила – самый действенный аргумент для тех, кто поклоняется идолам.

И еще. Я не рискнул вести повествование от имени главного ее героя, Владимира Святославовича. И вновь воспользовался приемом, какой использовал в начале своей «варяжской истории», – перенес в центр повествования моего «сквозного» героя – боярина Серегея. Мне так проще, потому что очень трудно, практически невозможно точно воссоздать образ мыслей человека десятого столетия, да еще такого, как Владимир Святой, отталкиваясь от единственного созданного им документа.

Так что говорить в этой книге будет не ее литературный герой, а подлинные дела героя исторического. А уж остальное вы, мои уважаемые читатели, домыслите сами.

Пролог

«Я, воевода великого князя Владимира Киевского, боярин Серегей, видел это. Я видел начало новой эпохи. Я видел, как страшный и грозный бог моего князя, бог его отца, деда и всех его пращуров, родовой бог всех варягов Перун Молниерукий, бог, с чьим именем на устах мы все сражались, убивали и умирали, бог, которым мы клялись, уплывал вниз по реке, навсегда покидая стольный град Киев.

Я видел, как слезы текли по щекам варягов. Слезы текли и по моим щекам. Я никогда не считал Перуна величайшим из богов, хотя моя вера в Спасителя не мешала мне чувствовать мощь варяжского бога.

Но не с Перуном прощался я в тот день.

Я прощался с эпохой.

Время старых богов истекло.

Так должно.

Однако лучшие мои годы пришлись на это время, в которое забросила... нет, которое подарила мне Судьба. Или чудо. И в тот день, увлекаемый днепровским течением, уходил не только Перун. Сопровождаемое парой боевых лодий со знаменами великого князя, уходило славное время варяжского братства, время языческих празднеств, грешных и веселых... Вниз по зеленой днепровской воде уплывало оно к острову Хорса, чтобы встать там навсегда. Уже не богом, а всего лишь памятником былой славы ушедших в Ирий отцов и дедов. Там, на острове Хорса, погиб великий Святослав. Там должен был навсегда остаться и я, его воевода, но Бог и любовь сотворили еще одно чудо, и тогда, в последнем бою Святослава, погибло лишь мое прошлое: тот Сергей Духарев, который родился в двадцатом веке. А я, воевода Серегей, спафарий Сергей Иоанн, Сёрки-ярл из Гардарики, Зергиус, Серхи (и еще полдюжины имен с подобающими моему чину и положению приставками), этот я – жив, в свои шестьдесят девять лет еще достаточно силен, чтобы послать стрелу из степного лука и снести ударом клинка вражью голову. Это и есть я, а того, кто навсегда остался по ту сторону Кромки... или Вечности, его мне не жаль. Пусть он еще не родился, но его время иссякло. А мое, надеюсь, продолжится достаточно, чтоб увидеть, как мои внуки поведут на рать собственные дружины. И боевой клич „Русь!“ станет не менее грозен и славен, чем клич „Перун!“. Будут еще битвы, будет кровь и смерть... Но больше никто не умрет у черных от старой крови деревянных ног идола лишь потому, что таков был жребий. Ни один человек, свободный или холоп, мужчина или женщина, старик или ребенок, не расстанется с жизнью, чтобы Сварог, Дажьбог, Стрибог или иной кровожадный языческий демон не осерчал на своих почитателей. Теперь на этой земле один Бог и одна Вера, и я не сомневаюсь, что мой князь будет тверд в ее насаждении, потому что знаю – он Верит. А если сын великого Святослава во что-то уверовал, остановить его может только смерть. А уж мы, его ближники, позаботимся о том, чтобы Владимира не постигла участь отца...»

Тут пальцы воеводы слишком сильно надавили на перо, и оно сломалось, оставив на пергаменте неряшливую кляксу.

Не было у боярина Серегея привычки писать самому. Для деловой переписки у него имелся писарь, владеющий латынью и прочими европейскими языками. Был еще один, каллиграф, – для писем в Византию... Но это было – личное. И писал боярин-воевода на русском языке, изрядно отличающемся от словенского письма, коим пользовались в Бургундии и в Моравии, пока Великое княжество Моравское не разодрали на куски угры, чехи и ляхи.

Воевода положил сломанное перо, пошевелил задубевшими с непривычки пальцами и задумался. О тех временах, когда великий князь Владимир Святославович, надежда и оплот тех, кто мазал кровью губы идолов, вступил на путь, который и привел его к Вере.

Часть первая. Канун новой жизни

Глава первая. Добрые и дурные вести

Киев. 985 год

Всю ночь выюжило, но ближе к рассвету ветер утих, потеплело и повалил такой снег, что всё обширное подворье боярина-воеводы Серегея покрыло белой пуховиной. И вдруг снегопад прекратился, будто отрезало, выглянуло солнце, мир стал чудесен, будто детская сказка.

Воевода вышел на крыльцо с первым лучом и засмеялся от дивной красоты. Скинул нательную рубаху и прямо с крыльца сиганул в сугроб. Эх, славно!

Вывалившись вдосталь, поднялся, огромный, красный, счастливый, облепленный белым снежком, вдохнул полной грудью и выдохнул варяжский боевой клич: жуткий вой, от которого вороны с карканьем сорвались с дерева и мишка-привратник, полуторогодовалый зверь, взятый вместо прежнего, старого, вскочил на ноги и недовольно заревел. Тут же залаяли псы на соседних подворьях, а свои сторожевые изумленно уставились на хозяина: чё это с ним?

Трудившаяся спозаранку дворня тоже отреагировала на клич. Два холопа, разбиравшие дровишки, аж присели, а взбегавшая на крыльцо девка так и обмерла. Чуть не уронила глечик с парным молоком...

Тут же из длинного дружинного дома, будто только и ждали, толкаясь и гогоча, вывалили гридни и отроки. Полуголые, здоровенные, счастливые от избытка силы... Кто-то немедленно взвыл по-варяжски, остальные поддержали...

На крыльце появилась очень недовольная боярыня Сладислава.

Но поглядела на счастливого мужа и тоже заулыбалась.

Однако на гридней прикрикнула:

– Что девок пугаете? Не в поле, чай!

Парни засмутились, вспомнили о почтении, поклонились в пояс: сначала боярыне, а только потом – батьке-воеводе.

Чем еще больше развеселили Сергея. Его всегда забавляло, что и челядь, и гридь боятся его малышки-жены более, чем своего батьки.

– Шел бы ты в дом, муж, – сказала Сладислава. – Не по годам тебе – голым на морозе.

– Да разве ж это мороз? – удивился Сергей. – Вот на Белозерье да, мороз! А здесь не зима, а баловство одно! Такой снег, Сладушка! Озимым – самое то! Радоваться надо!

И стремительным броском взлетел на крыльцо, подхватил жену и прыгнул в сугроб уже вместе с ней.

– Пусты, медведь! Сдурел?

Сергей понял, что Сладислава рассердилась всерьез, коли ругает его, да еще – при посторонних, тотчас поставил жену обратно на крыльцо, взялся отряхивать от снега...

– В дом иди... баловник! – От его покаянного вида гнев боярыни прошел, и она вдруг заулыбалась, потому что это счастье, когда с тобой рядом – муж, любимый, сильный... Живой.

Гридь, уже забыв о выговоре, всю возилась в снегу: боролись, кидались снежками... Большинство – с севера. Снежок им – в удовольствие. Холод – бодрит. Пробежаться босиком по пороше километров этак пять – запросто.

Воевода вошел в дом, где ему тут же заботливо накинули на плечи корзно-плащ, а Сладислава, не дожидаясь, пока другая девка перьевой метелочкой очистит ее одежду от снега, кликнула старшего над дворовыми и приказала строго: как только мужнины вои отбалуют – снег со двора прибрать дочиста. А то такая грязюка разведется...

Затем сошла с крылечка и двинулась в обычный утренний обход: по многочисленным дворовым постройкам – проверять, все ли трудятся, не завелись ли бездельники? Холопы – они такие. Чуть попустишь – и потом только поркой характер поправить можно.

Из флигеля, дружной парочкой, вышли почтенные седовласые мужи: Рёрах и Артак. Старый варяг, одноногий и одноглазый, холода не боялся ничуть – в одной нательной рубахе с богатой бережной вышивкой и в синих штанах из тонкой шерсти. Рёрах вежливо поклонился боярыне, и та ответила ему еще более низким поклоном. Пестуна своего мужа она почитала выше себя.

Закутанный в меха, но все равно зябнувший парс Артак кланяться в пояс не стал. Лишь кивнул:

– Доброе утро, госпожа моя!

– И тебе добра! Велю лучше печь растопить. Вижу – мерзнешь.

– Благодарю за заботу! Старость не делает кровь горячее.

Рёрах хмыкнул. Он был намного старше парса, но на холод не жаловался. Ну да он и родился на севере, у Балтийского моря, а парс – на земле иранской, где снег бывает только высоко в горах.

– Стол накрыт в трапезной, окажите милость – откушайте, – ласково проговорила Сладислава.

– Благодарим сердечно, хозяйюшка, – вежливо отозвались оба.

Варяг и парс нисколько не сомневались, что завтрак их ждет. Но им было в радость проявить уважение боярыне. Так же как и ей – им. Родные, чай. А после того, как втроем выжили воеводу от страшных ран, полученных на острове Хорса в последнем бою князя Святослава, меж ними, столь разными, установилась такая прочная связь, какая редко бывает и у кровных родичей.

Сладислава двинулась дальше, аккуратно, чтоб не зачерпнуть снег, приминая сугроб желтыми сафьяновым сапожками, отороченными мехом и украшенными жемчугом, а деды двинулись к крыльцу, чтобы составить компанию боярину-воеводе. Кроме них нынче – некому. Старший сын князь-воеводы Артём – в своей вотчине, Угличе, Богуслав – в дальнем походе, приемный сын Ильи гостит у Стемида Большого, князя белозерского, а дочь Дана – в Тмуторокани, с мужем Йонахом.

Нельзя сказать, что большой дом князь-воеводы опустел. Что ни день – гости, свои и заморские. На подворье – тридцать три дружинника и вдвое больше челяди. . .

Да только завтракать хозяин любит с теми, кого почитает равней. А таких дома четверо: Рёрах, Артак да сам воевода. Ну и Сладислава, конечно, хотя она давно уж позавтракала. Ее день начинается затемно.

– Воевода, к тебе ромей! – Отрок из ближней дружины, беспардонно ввалившийся в горницу, заставил Духарева отвлечься от письма. А письмо между тем было весьма интересное – от сына Богуслава.

Проделав далекий трехмесячный путь аж из самого Багдада, послание оказалось в руках боярина только вчера. Булгарский купец доставил. Однако сразу читать его Сергей не стал. Вскрыл, убедился, что написано сыном собственноручно, сообщил об этом жене – и отложил удовольствие на утро.

– Пусть ромей подождет, – недовольно проворчал воевода.

И вернулся к чтению. Письмо было почти сплошь позитивное. Богуслав сумел отыскать в Багдаде нужных людей, установил деловые контакты.

Вообще-то предполагалось, что Богуслав не поедет дальше Шемахи, но выяснилось, что почтенный булгарский лекарь и ученый Юсуф ибн Сулейман направляется именно в Багдад и там у него вроде бы неплохие связи. Поразмыслив, Богуслав решил, что стоит продолжить

путь. И не ошибся. Булгарский ученый действительно пользовался в Багдаде известностью. Богуслав арендовал дом, в котором поселился вместе с Юсуфом, – и опять не прогадал. О русах в столице халифата тоже знали: торговали уж лет сто, не меньше. Но инициатива всегда исходила от арабов, и арабские купцы были не склонны пускать конкурентов в собственный огород. Однако не купцы были главными в Багдаде. Даже те из них, кто отважно пускался в столь далекий путь.

Уже на третий день после того, как Богуслав поселился в Багдаде, его дом посетили несколько ученых мужей весьма серьезного уровня. Беседовали на арабском, но Богуслав многое понимал, потому что уже успел прилично овладеть и этим языком. Равно как и Лучинка. Они очень старались, ведь арабский был «базовым» научным языком Востока. Примерно как латынь – на Западе.

Само собой, Лучинку к непосредственной беседе не допустили. Не те здесь законы. Зато разрешили побыть за занавеской и даже ответить на пару-тройку вопросов.

Следующее научное сборище прошло в расширенном составе...

Так и повелось. Богуслав готовил угощение, а ученые мужи вкушали яства, потрещали шербет и обменивались мудростью. Расспрашивали и Богуслава. О жизни и нравах русов и варягов в Багдаде истории ходили самые экзотические. Еще ученых мужей (а по совместительству – советников власть имущих) весьма интересовал пришедший в упадок Хузарский хаканат. Кое-кто в арабском мире был совсем не прочь прибрать к рукам богатые и выгодно расположенные земли. Впрочем, Богуслав об этом интересе ведал и раньше. Еще он понимал: у арабов – получится. Отец в свое время объяснил и обосновал: русам весь хаканат не удержать. Хорошо, если удастся сохранить за собой хотя бы треть. По-любому, Каспий для Руси потерян. Владимир – не Святослав.

Богуслав на вопросы отвечал охотно и почти честно. В итоге заручился доверием и поддержкой весомых в «правительстве» людей. И получил «добро» на основание собственного представительства в Багдаде. С серьезными таможенными льготами.

Само собой – не бесплатно. Золотишка занести пришлось изрядно. И наличкой, и «чеками». Но дело сделано.

Пока «подворье» торгового дома «Духарев и семья» пришлось укомплектовать почти исключительно местным контингентом. Богуслав оставил для надзора парочку своих (больше и не было), выкупил дом, в котором жил всё это время, и отдал часть его в распоряжение Юсуфа ибн Сулеймана. Тот был весьма признателен и пообещал присмотреть за тем, чтобы русов не обижали. Авторитет Юсуфа в Багдаде весьма приподнялся, когда он вылечил одну из жен халифа от какой-то застарелой болячки.

«Готовь, батя, большой караван, – писал сын. – Грамоты нужные и подорожные я привезу».

В обратный путь Богуслав тоже собирался не порожняком, а с неслабым обозом.

Об этом Духарев догадался, прочитав о том, что сын намерен нанять дополнительную охрану из местных. Если уж самого Богуслава и одиннадцати дружинников для обороны недостаточно, значит, товар они повезут недешевый.

Ответ писать смысла не было. Да и куда? Сейчас Богуслав и его спутники уже в пути и, скорее всего, уже движутся по берегу Каспийского, вернее Хвалынского моря.

Сергей свернул письмо и уложил в футляр.

Молодец, сын! Конечно, Богуслав не с пустыми руками шел. Были деньги, была кое-какая информация о полезных людях в халифате, почерпнутая из «библиотеки» хузарского хакана Йосьпа, доставшейся Сергею как доля добычи во время захвата Итиля. Тем не менее задача была – труднейшая. Переговоры на чужой земле – это не мечом рубать. Тут соображать надо.

Вот и ладно. А теперь можно и поглядеть, что за ромей пожаловал на боярское подворье с утра пораньше.

Ромей, которого Сергей заставил дожидаться в «предбаннике», оказался не простым. Аж целым главой киевской византийской общины.

Звали его Кирилл Спат. Человек формально торговый, но, судя по некоторым деталям, с немалым военным опытом. Ну и шпион, разумеется. Вернее, резидент.

К Духареву он проявил почтение. Поклонился низенько: младший – старшему.

Не потому, что Сергей – воевода, боярин и ближник княжий, – для природного ромея все русы: хоть боярин, хоть смерд – дикие скифы. Не боярину Серегею кланялся ромей – спафарию Сергию. Спафарий – серьезный титул в империи¹. С кучей прав и даже ежегодным пожалованием от двора. Хотя пожалование – тьфу! – в сравнении с теми бабками, которые стоил сам титул.

Первым его прикупил Мышата. Ему обошлось дешевле, потому что он и во дворец был вхож, и весьма полезным считался. Даже с самим паракимоменом² «премьер-министром» Василием, всевластным константинопольским евнухом, был общения удостоен. Однако титул спафария по наследству не передается даже сыновьям. В отличие от имущества. Которое хоть и передается (после уплаты соответствующего налога), но уже без добытых прежним владельцем налоговых льгот и прочих привилегий. Так что и с имуществом (и немалым) сразу возникли бы проблемы, не купи Сергей титул. Это как в России в бандитские времена: купил автомобиль «не по чину», придут конкретные пацаны и отнимут. Так что – пришлось. Зато спафарию Сергию «дом на набережной» в Константинополе, изрядное поместье на морском побережье, сады, виноградники, оливковые рощи и прочие материальные ценности – в самый раз.

В поместье Духарев старался без нужды не задерживаться. Мраморные колонны, мраморная ванна, полы с подогревом, банька с тремя бассейнами, горячая вода, само собой... А уж кушанья какие изысканные!

Слишком большое искушение. Роскошь такая штука: только привыкни – и попал. И за меньшее люди от родных пажитей уходили.

В трудные времена, когда Владимир только-только вокняжился в Киеве, была у Сергея такая мысль... Но – отбросил. Во-первых, есть такое слово – Родина. Во-вторых, здесь, в Киеве, Сергей – величина. Воевода Святослава, боярин Ярополка, отец славных сыновей и богач изрядный. Его подворье на Горе – втрое против соседних.

Пожелай кто худое ему сделать – кровью умоется. Да и не рискнет никто.

А что в Византии? Там любой человек, хоть благородный патрикий, хоть domestik схол³ по произволу императора в любой момент может оказаться в темнице. Был бы повод. Излишнее на взгляд Автократора богатство, к примеру.

Опять-таки интриги, омерзительные евнухи, унижительные церемониалы... Византия, одним словом.

Однако сейчас уважаемый представитель величайшей из империй десятого века Кирилл Спат стоял перед воеводой и, судя по роже, явно чего-то хотел.

Однако воспитанный человек никогда не станет так сразу говорить о деле. Потому сначала Сергей пригласил его к столу, велел подать вина, выдержанного, болгарского, к вину свежего сыра, орешков на меду. Справился: не обижают ли ромеев в Киеве, удачна ли торговля?

Кирилл отвечал степенно, солидно и на языке русов, которым владел в совершенстве. Сам тоже интересовался: здоровьем, семьей, делами...

Лишь через полчаса, выкушав пол-литра вина, перешел к делу.

¹ Титул третьего класса. Если пользоваться аналогиями Российской империи – что-то между военным и статским советником.

² *Паракимомен* – личный постельничий императора. Высший из императорских приближенных-евнухов.

³ Командующий армией.

– Господин мой светлейший Сергей, известно ли тебе, что сюда направляется личный посол Богопочитаемого Автократора нашего Василия Второго? – поинтересовался он по-ромейски⁴.

Вот ведь сюрприз!

– И какова же причина этого посольства в столь неурочное время? – задал он встречный вопрос.

Время и впрямь выбрано не самое лучшее. Зима.

Это для северян мороз – друг. Болота замерзают, реки встают. Садись на санки да погоняй. А что холодно, так и против холода есть средства.

А вот теплолюбивым ромеям добрый морозец – ворог лютый.

– Причина мне неизвестна, – уклонился от ответа ромей.

Духарев поглядел на него внимательно... Знает, сучонок. Точно, знает. Ну да и Сергей догадывается. Если что и может экстренно понадобится василевсу от русов, так это сами русы. Бронные и оружные. И почему он ко мне прискакал, а не к князю – тоже ясно. Поможет князь – будет посол князю *должен*. А Сергей – спафарий. Помогать императорскому посланцу – его долг перед императором. Но это там, в империи, – долг. А здесь... всё сложно.

Так что же там, в Византии, приключилось? Последняя информация, которую ему принесла в клювике разведка: поднявший восстание против императора Василия Второго Склир вдребезги разбит полководцем императора Вардом Фокой. Племянником, кстати, убитого Цимисхием императора Никифора.

Императоров-Автократоров Византия меняла как модница – перчатки. Удачливый полководец Никифор Фока прикончил императора Романа Второго. Никифора, в свою очередь, отправил к предкам еще более удачливый полководец Иоанн Цимисхий. Нынешний император Василий Второй никого собственноручно не убивал, однако можно предположить, что Иоанн Цимисхий тоже умер не от болезни, а от пищевой добавки, несовместимой с жизнью. Кто заказчик – очевидно. Тот же внебрачный сын еще одного императора-узурпатора Романа Лакапина, всевластный паракимомен Василий, которого Цимисхий намеревался отправить в отставку. Сам стать императором паракимомен не мог (евнух потому что), но неформальную власть удержать сумел.

После смерти Цимисхия на вершине оказались сыновья Романа Второго Василий и его братец Константин, которые хоть и числились при Иоанне Цимисхийи соправителями, но реальной власти имели – шиш с маком.

Василий был старшим, поэтому трон и пурпурные сапоги достались именно ему... И он немедленно позаботился о том, чтобы братец Константин оставался вне Большой Игры. Хорошо хоть не убил.

Однако авторитет и военный опыт молодого Автократора были – так себе. Чем и воспользовался крупный имперский полководец и domestik схол Склир, тоже примеривший пурпурную обивку и вознамерившийся прибрать империю к рукам.

Чтобы надеть на зверя намордник, императору (с подачи всё того же паракимомена Василия) пришлось вернуть ко двору и оснастить полномочиями другого героя-полководца. Варду Фоку.

Племянник убитого Цимисхием Никифора Фоки всё сделал как надо. Насколько было известно Сергею, Склир был разбит и смылся, кажется, в Ассирию. А Варда Фока был отмечен милостью императора и всячески облизан... Но, видимо, ненадолго. На хрена Василию такой конкурент? Надо полагать, его опять загнали в провинцию. Или хуже того... Впрочем, что тут гадать? И так ясно, что в империи – мятеж. А детали – выяснятся.

– Чем же я могу помочь посланцу самого Августа? – поинтересовался Сергей.

⁴ То бишь на византийском варианте греческого.

– Вестник прибежал, – скорбно произнес ромей. – Хузарин из тех, кого посольство наняло проводниками в Херсоне. – Беда случилась! Выручай, светлейший муж! Твоя помощь не будет забыта!

Глава вторая, в которой воевода Сергей отправляется в зимний марш-бросок

Вышеупомянутый гонец оказался не хузарином, а ясом.

– Городок Чить, – сообщил он. – Там их и осадили.

– Знаю такой, – кивнул Духарев. – Это за Родней.

По уму, именно в Родню надо было засылать за помощью, а не в Киев. Пусть там и перемерла половина народа во время «отсидки» Ярополка, но гарнизон – новый. Сотни две.

Значит, Чить... Сергей прикинул: от Киева не так уж далеко, километров сто пятьдесят. Летом добежать – пустяки. Зимой – тоже, если дорога накатана. Эх, зря он утром снежку радовался.

Однако прогуляться стоит. И посла выручить, и дружину размять. Сколько на тренировках гридь не гоняй, а настоящего боя учебный не заменит. Опять-таки отроки-волчата должны крови попробовать. Почувствовать, что не зря они стрелами по мишеням били да мечами намахивались так, что за ужином чашку до рта не донести. Вот, когда брызнет из-под клинка настоящая вражья кровь и гадина, пришедшая грабить твою землю, убивать и насиловать, захлебнется криком и хряпнется оземь, тогда и понимаешь – не зря! Есть силушка. И можешь ты платить отныне за обиду железом. Сполна. Сдачи не требуется. И лучше всего нарабатывать боевой опыт не в настоящих битвах, где и враг непременно свою долю крови возьмет, а вот в таких, небольших стычках, где и перевес на твоей стороне, и старшим есть время за младшими присмотреть. Бывают, конечно, и в малых схватках потери, но тут уж – как Бог положит. Иначе нельзя, к сожалению.

– Поторопись, воевода! – вмешался ромей. – Там тысячи паcinaков!

– Тысячи? – Сергей скептически приподнял бровь и поглядел на яса.

– Сотен пять наберется, – уточнил яс, молодой парень – на вид лет семнадцать-восемнадцать. Но уже – воин.

– А в городке?

– Ромеев около сотни. Стрелков при них мало: дюжины три.

– Чьи? – поинтересовался Сергей.

– Да наши.

Воевода кивнул. Ясы луками владели неплохо. И понятно, почему гонец не включил в счет местный гарнизон. Там не настоящие вои – ополчение. Их задача в случае опасности: запереться, подать сигнал и ждать подмоги.

Близко, однако, копченые подобрались. Обнаглели. Или – оголодали?

– Как сам ушел?

– Метель. Степняки отошли, по юртам попрытались. Я и проскользнул.

– Что ж в ближний город не пошел, в Родню? – спросил Духарев.

Яс смущенно потупился. Мимо проскочил. Не удивительно. Ночь, метель...

До Киева яс шел двуюконь. Шесть дней. Вчера – снова метель.

– Лошадки мои пали, – сообщил он и вопросительно поглядел на ромея. Мол, компенсируешь?

Кирилл Спат, не раздумывая, полез в кошель. Высыпал горку серебра, подвинул к касогу. Нормально одарил. Две степные лошадки столько не стоят.

Сергей почувствовал к ромею некоторую симпатию. Обычно византийцы довольно прижимисты.

– Иди отдыхай, – бросил он ясу. – Скажи: боярин велел накормить и положить на конюшне. Там сено и тепло.

Яс расплылся в улыбке. Нелегко ему пришлось, но – молодец. Выдюжил. К себе, что ли, взять?

– До вечера, – уточнил Духарев, подпустив суровости во взгляд. – С нами пойдешь. Погляжу, каков ты в деле.

Не сказать что яса перспектива порадовала. Но – кивнул. Правильный парень. Толк будет. Если не убыют.

А ромей забеспокоился. Быстрее бы надо! Не ровен час, доберутся печенеги до императорского посланца...

– Спешки нет, – постарался успокоить Кирилла воевода. – Городок Чить я знаю. Стены там – приличные, сходу не влезть. А если еще водичкой подходы облить, чтоб заледенело, так и вовсе не подобраться. Народу внутри достаточно, еды хватает. Можешь помолиться, чтоб непогода случилась. В снегопад из луков особо не постреляешь.

И задумался.

Как идти-то? Когда коням снег по грудь – особо не разгонишься. Может, на лыжах? У него в дружине северян много. Эти – умеют. Однако в броне на лыжах – еще то удовольствие. Русы всё же не нурманы. Да еще припас и шатры надо взять – вдруг завьюжит? Нет, лыжи отпадают. Хотя... А если часть дружины на лыжах впереди пойдет, умнёт дорожку? Неплохая идея! Коней надо из печенежских взять. Эти и в снегу увереннее, и травку копытить умеют. Решено!

Воевода кивнул ромею, встал, вышел на крылечко, гаркнул:

– Развай!

Тот появился вмиг. Будто только и ждал, пока кликнут. А может, и ждал. Мозги у парня на месте. Все остальное – тоже. Сам – потомственный варяг из уцелевших полоцких, тех, кто с Устахом ушел. Духарев его переманил. И сразу сделал сотником над «дворовой» гридью. Не пожалел.

Сергей поставил задачу – Развай расцвел. Трех-четырехдневный переход по снежной степи его не смущал. Битва!

– Поднимешь сотню хузар и сотню Корня. У него кривичских – половина. Пусть лыжи возьмут. И твои – тоже. Будут снег уминать, чтоб лошадей не заморить. Лошадей взять – степных. По три – на воя. Припаса – на пять дней. Шатры – тоже. На-ка! – Сергей сунул Разваю тугой кошелек. – Да поторопи всех! Если погода позволит – выйдем, как только соберемся. Не распогодится, тогда – завтра поутру.

– А кто – старшим? – поинтересовался Рузвай. Похоже, надеялся, что его поставят.

– Сам пойду, – огорчил варяга воевода.

Дело ответственное. Да и потолковать с ромейским послом очень хотелось. Что там у них творится, в империи? Не повредило бы бизнесу...

* * *

К вечеру погода вновь испортилась, и Духарев отложил выход на утро. Пусть парни поспят в тепле.

Утром опять повалил снег, но тут уж ничего не поделаешь.

Ехать решили по Днепру. На реке снегу было поменьше, чем на тракте. Лошадкам – по брюхо.

Двигались достаточно быстро. Впереди – лыжники. Они же вели на поводу заводных, которые прокладывали дорогу. Передовым приходилось трудновато, зато уже вторая сотня шла как по ровному – тысяча с лишком копыт утаптывали снег очень качественно. Морозец был терпимый. Градусов десять.

Бодренъко шли. По прикидкам Духарева – километра четыре в час делали. Ближе к полудню Сергей решил разделить свое войско. Первопроходцам скомандовал «обед!», аутсайдерам – «продолжать движение!».

За день одолели километров тридцать. Неплохой результат. Лагерем встали на берегу. Расседлались, поставили шатры, разожгли костры. Горячее зимой просто необходимо. Степные кони обошлись подснежной прошлогодней травкой. Духарев велел взять с собой по торбе овса на каждого, но пока – побережем.

Переночевали без проблем. Так близко от Киева да еще зимой печенег не шлялись. Собственно, им и у Чити быть не положено. Тем более что с главными родами вроде как у Владимира – договор. Интересно, какой орды копченые? Кому летом бошки рубить?

Утром воинству Духарева несказанно повезло. Навстречу вышел санный поезд из Родни.

Старший купец, знакомый, поздоровался с воеводой с почтением. Рассказал, что у Родни видели печенежские разезды. Вроде бы цапон...

– Не побоялся ехать? – спросил Духарев.

– Не без того, боярин-воевода, – признал купец. – Но торговать-то надо. Да и сторожа у меня добрая – от малого отряда отобьемся, а большому откуда здесь взяться?

Духарев не стал его огорчать информацией о том, что сравнительно недалеко безобразничает аж три сотни копченых. Сейчас она торговому гостю ни к чему. Дальше к Киеву дорога свободна, а когда возвращаться будет, от тех степняков останутся рожки да ножки. Во всяком случае, Сергей на это надеялся.

А если яс ошибся в счете или к копченым подошла подмога, то можно взять воев из Родни. У Духарева, княжьего воеводы, было такое право.

После санного поезда дорога гридням легла – скатертью. Ускорились едва ли не втрое. За день отмахали полпути. Правда, на следующий день опять пришлось утаптывать снежок, но всё же не целину, а порошу сантиметров в тридцать.

На закате увидели Родню, но подошли уже затемно. Ворота успели затворить, и стража поначалу пускать в городок отказалась. Мало ли... Но Духарев рывкнул, назвался, подсветив лицо факелом, и ворота открыли. Встречал сам наместник – из княжьих нурманов. Принял по чести: гридь разместили под крышей, лошадок – тоже. Накормили всех. Ныне не времена Ярополкова сидения. Припасов хватало.

Известие о копченых наместника не испугало. Еще бы! За такими-то стенами...

Зато он тут же предложил усилить отряд воеводы двумя сотнями из собственного гарнизона. Мол, город ополчение и без дружины удержит.

Ну да. Нурман и есть нурман. Ему лишь бы подраться да трофеи добыть. А зимой – скучно!

Духарев от помощи отказался. Пока. Сначала надо на врага глянуть.

* * *

Глянули. Вернувшиеся разведчики-хузары сообщили: копченых действительно три большие сотни. То есть человек четыреста. Судя по всему – цапон. Союзнички, блин. Обложили городок и попутно пасут реку и зимник: кого поймают – грабят и режут. Разведчики сами видели, как перехватили караван из семи саней. Вокруг города все время вертится не меньше двух сотен печенегов. Наглые. Бьют прямо с седел всех, кто высунется над забором. Ответного огня не боятся. Да его и нет по факту. На глазах у разведчиков сбили со стены такого вот храброго стрелка. И еще одного бойца сбили, когда тот попытался ведро с водой на частокол опорожнить. Хоть и прикрывали его большими щитами, а не убергли. Он только высунулся, а в него – сразу три стрелы.

Но защитники на стенах есть: виднеются шлемы и края щитов. А цапон явно готовят штурм. Видели разведчики свежеизготовленные лестницы. И таран, вполне подходящий, чтобы развалить не слишком крепкие ворота. Не подойди Духарев – был бы у них верный шанс. Итак, какие могут быть варианты? Думай, Сергей Иванович, думай!

Численное превосходство врага не критично, хотя может оказаться значимым при лобовом наезде. Бойцов терять не хочется. Каждый – дорог.

Значит – хитрость. Но – какая?

Для начала надо понять врага. Понять, зачем копченые навалились на городок.

Итак, вариант первый: их цель – ромейское посольство. Ромеи – это деньги. Золото, которое византийцы частенько привозят своим потенциальным недругам, чтобы те приплющили других недругов. Еще – имущество. Подарки, которые непременно везут послы. А также возможность слупить выкуп за ценных пленников.

Но есть нестыковка.

От зимних кочевий цапон до Чити – хрен знает сколько километров. Риск же целевой экспедиции – огромный. Услышат в Киеве – прилетят, перехватят и стопчут.

Значит – случайность?

Духарев в случайности не верил.

Возможно, кто-то слил информацию о посольстве... Зачем?

Возможно, византийский караван засекли еще в низовьях, проследили до городка... Тогда непонятно, почему ждали. В чистом поле ромеев прихватить куда как сподручнее.

А если не ромеи – главная цель, тогда – кто? Стоит ли крохотный городок Чити таких усилий? Есть мероприятия куда выгодней.

Еще вариант: молодой отморозок. Какой-нибудь подханок, решивший стяжать великую славу.

Однако, по словам разведчиков, копченые выглядели бывалыми воинами. Такие в мало-доходную авантюру не ввяжутся.

«Пожалуй, надо посоветоваться», – решил Сергей.

Не то чтобы он надеялся, что сотники что-то подскажут (опыта у воеводы – вчетверо больше, чем у них всех разом), но в процессе обсуждения иной раз приходят правильные мысли.

Сотники Развай, Корень и хузарин Бурах появились в воеводином шатре через пару минут. Сергей изложил ситуацию. Поинтересовался, какие мысли?

– Бить их надо! – азартно воскликнул Развай.

Бурах одобрительно кивнул. А вот Корень, степенный спокойный головорез из кривичских, не согласился:

– Побить-то мы их – побьем, если не разбегутся...

– Разбегутся – догоним! – перебил Развай.

Корень неодобрительно поглядел на варяга: мол, неча старших перебивать, потом так же весомо продолжил:

– Догоним, но цену заплатим немалую. Брони у нас – лучше, так что, сойдись мы строй на строй, всех бы положили. А в поле к себе копченые нас не подпустят. Многие лягут. А за что?

Вопрос был – к воеводе. И Сергей ответил:

– Там, в Чити, – посольство ромейское к князю.

– Так, может, князю и послать? Городок – его, значит, и оборонять – ему.

– Ты испугался, что ли, Корень? – нехорошо прищурился Развай.

– Ты еще на мамку писал, когда я последний раз пугался, – отрезал кривич. – А воев своих губить бессмысленно не хочу. Они мне все – как сыновья! Могли б копченые взять Чити – уже

бы взяли. Посыл до князя по зимнику накатанному за два дня добежит. День князь собираться будет, через четыре – придет. Седьмицу еще продержатся.

– Так, – сказал Духарев, опережая готового вспыхнуть Развай. – Что думаете, мне понятно. Непонятно – зачем копченые тут объявились? Не верю, что ромеев поджидали.

– Это точно, батька, – поддержал Развай. – Тогда степняки их еще бы раньше взяли, в поле.

– Может, не успели? – предположил Корень.

– Кто, копченые? Ты, сотник, будто до сих пор в своих лесах сидишь. Ромеи в Дикой Степи – как червяк на камне. Клювиком шелк – и нету! А что сюда прискакали, так они ж наглые, копченые. Вон караван ограбили, да не один. И Чить бы они взяли, кабы там ромеев не было. Сколько в Чити воев добрых? Пятеро, шестеро? Да и те – старше тебя, Корень. А остальные – кто? Пахари! Они, с какой стороны у копыа железко, не всегда знают.

«А ведь верная мысль», – подумал Духарев.

Но тут вмешался Бурах:

– Я бы, батька, не разговоры говорил, а у самих копченых спросил, – произнес он негромко, с характерным хузарским акцентом, так и не выветрившимся за три года служения Духареву. – Они-то знают.

«Молодец!» – мысленно похвалил Сергей Иванович, который и сам решил уже, что надо брать «языка». Дело, требующее умения, но не такое уж сложное, если враг даже не догадывается о твоём присутствии у него за спиной.

Кто предложил, тому и честь. За «языком» отправились хузары. Дождались ночи и украли одного из пастухов, что сторожили табун.

«Язык» был качественный. Матерый, злой. Сразу говорить, естественно, отказался. Пришлось варягам с ним часок-другой поработать.

Духарева позвали, когда пленник был готов к диалогу. Обработали его качественно, но не радикально. Глаза, пальцы – все на месте. Пара костей переломана, так и это тоже заживет при надлежащем уходе.

– Я ему жизнь обещал, – сказал Развай. – Еще денег немного и в Киеве к делу пристроить.

Духарев поморщился. Не любил печенегов. Так бы всех и передал, а женщин тем же касогам раздал. Или продал. Женщины у копченых работающие.

– Это я обещал, – напомнил Развай. – А ты-то нет.

– Ты – мой человек, и я за твои слова отвечаю, – с легким раздражением произнес Духарев.

– Иначе – никак. – Развай пожал плечами. – Крепкий. Сдох бы, а говорить ничего не стал.

– У нурманов небось заговорил бы.

– Может, и так. Нурманы – жилы тянуть мастаки, – не стал спорить Развай. – Послать в Родню за нурманом?

Духарев мотнул головой. И присел на корточки напротив обессиленного от пыток печенега.

– Давай, цапон, говори, что знаешь. Скажешь что важное – будет, как сотник сказал. Нет – волкам скорблю.

Цапон сказал. И картина сразу стала ясна до прозрачности. Идея у копченых была лихая, но перспективная. Захватить Чить, но действие это не афишировать. Прикинуться честными читянами и грабить проезжающих мимо торговых гостей. Не всех, конечно, чтоб не заподозрили нехорошего. Выборочно. При этом сами копченые славно устроились бы в захваченном городе, сладко спали, вкусно кушали, пользовали трофейных женщин и горя не знали. Всё что требовалось: время от времени, желательно под снегопад, чтоб следов не осталось, выезжать

из Чити и демонстрировать наличие печенегов где-нибудь километрах в тридцати от базы. Это чтоб было на кого списать пропавшие караваны.

Отличная идея! Духарев сразу понял, что ее автор – не копченый. Слишком уж нетрадиционно для печенега загонять себя в ловушку (а именно так большинство степняков воспринимали городские стены) и сидеть там чуть ли не всю зиму.

Поскольку задействованы были именно цапон, Духарев с большой долей вероятности предположил, что задумка была – беглого Ярополкова воеводы Варяжки.

Нет, этого человека определенно надо возвращать под крыло киевского князя! Такими воеводами не разбрасываются.

План печенегов провалился из-за ромеев. К Чити и византийцы, и копченые успели почти одновременно. Но разведка печенегов ромеев загодя не обнаружила (у нее были другие задачи), а наемники ромеев копченых как раз углядели. И немедленно решили, что степняки пожаловали по их души.

Побросав все, что не представляло особой ценности, то есть пяток повозок и всех полузаморенных волов, византийцы устремились к спасительным стенам. Опередив копченых буквально на полчаса, они успели проскочить в городок. Причем ворота закрывали уже под градом печенежских стрел.

С того момента у нападения и обороны сложился паритет. Но копченые сложа руки не сидели. Во-первых, грабили. Во-вторых, нарубили древесины в ближайшей роще и приготовили дюжин пять небольших (частокол-то невысок) лестниц да сработали таран. Причем даже не своими руками, а невольничьим трудом захваченных в плен купецких людей, так что изделия вышли добротными. То есть вариант, предложенный Корнем, сразу отпадал. Не сегодня завтра копченые пойдут на штурм, и, что из этого выйдет, одному Богу известно.

Зато у Духарева появилась перспективная идея...

Глава третья. Печенежские пляски

– Толково! – отметил Развай, наблюдая за действиями печенегов.

Копченые шли на штурм под качественным прикрытием стрелков. Стоило кому-нибудь высунуться – и стрела шла прямо в цель. Так что и таран к воротам подтащили, и лестницы приставили. Длина последних тоже была подобрана грамотно: на пару пядей ниже края стены. Чтоб оттолкнуть, надо выглянуть. А это чревато. Лезли печенеги сразу со всех сторон. Сотни две навскидку. И еще столько же крутили карусель вокруг стен.

– Как думаешь, воевода, возьмут городок?

Сергеева охранная гридь, вместе с лошадьми, залегла в сугробах за пригорком. И только Духарев и Развай вползли наверх – наблюдать. Хотя особой осторожности сейчас не требовалось: копченых полностью увлек процесс.

В этом и состояла идея Духарева. Обождать, пока печенеги начнут штурм, а когда те увязнут – ударить с тыла.

Сложности были: например, полная открытость городка. Чить стояла на взгорке метрах в ста от замерзшей реки. Лед напротив городка изрядно торосился. Это потому что – пороги. Хорошо стоял городок. Нужно место прикрывал, и подступить к нему скрытно было непросто. Ближайшая роща, та, где рубились лестницы и таран, отстояла почти на километр. Там сейчас лежали неприбранные трупы зарезанных печенегами пленных.

Духарев не стал их хоронить. Вдруг копченые вернуться?

По той же причине базу организовали еще дальше, за грядой старых курганов. Там и травка под снегом оставалась – лошадям подкормиться. Однако с утра, когда стало ясно, что штурм сегодня, коней побаловали овсом. Даже степные лошадки после него куда бодрей скачут.

На позиции выходили по возможности скрытно: старательно используя рельеф местности. Тоже разделились. Духарев со своими «охранными» заходил сбоку, с востока, хузары – от рощи, а сотня Корня, сделав широкий круг, со стороны Днепра, прячась за торосами. Задачи у всех тоже были разные. Корню – ждать, пока печенеги вышибут ворота.

За этим дело не станет. Ворота – так себе. И само собой – никаких привратных башен, следовательно, для защиты надо высунуться наружу. Отдельные храбрецы и высовывались. Сбрасывали всякие тяжелые предметы, лили кипяток... Но почти неприцельно. Встал, метнул – и обратно. Пока стрела не прилетела. Урона от такой обороны было – чуть.

Выбив ворота, печенеги ломанутся внутрь, сгрудятся толпой... Тут-то латная Корнева конница в эту толпу и ударит.

Бойцам Развая предназначалось заняться теми, кто вокруг стен. Пройти через печенежский лагерь, зачистить и галопом – к стенам. А там рубить всех в капусту.

А хузары будут работать дистанционно. Лупить тех, кто подставится. Заодно проследят, чтоб никто не сбежал.

Хороший план. Сергей любил, когда вот так – стремительно и внезапно. Как Святослав.

Первые степняки добрались до зубцов частокола и полезли внутрь.

Тут у них и начались сложности. Ромеи в пешем строю очень даже неплохи. Встретили их в щиты, первую партию, надо полагать, порубили в мясо.

Но печенеги лезли и лезли, а снизу их очень качественно прикрывали стрелки, так что минут через пять в одном месте копченым удалось закрепиться. Защитников всё же было мало-вато.

Наконец у ворот раздался победный вопль. Вышибли створку.

Сразу целая толпа копченых ринулась в прореху. Как Духарев и предполагал.

Но праздник жизни у них был недолог: со стороны реки уже неслась, вспахивая снег, Корнева сотня.

– Пора и нам, – сказал Духарев, поднимаясь.

– Гридь, на конь! – зычно скомандовал Развай.

И дружина воспряла из снега.

Когда Духареву подвели коня, низенького, но крепкого, густо заросшего шерстью, первые десятки его воев уже неслись во всю прыть... Вернее, во всю прыть вспахивали целину. Лошадки утопали в снегу по грудь, но упорно рвались вперед... И вырвались.

Степняки заметили русов, и вопли копченых резко поменяли эмоциональный фон. С победного на панический.

Одни сразу попытались дать деру, другие (их было большинство) решились принять бой. Но решить легко, победить труднее.

У ворот сотня Корня перемалывала угодивших в западню копченых. Бронная кавалерия против легкой конницы. Обшитые бляшками или попросту пропитанные солью тягиляи⁵, меховые высокие шапки с металлическими полосками... Разве это защита от добрых русских мечей? А вот печенежские копы да сабельки лишь царапали бронь русов.

Духареву драки почти не досталось. К месту боевых действий он подскакал последним – подвел изрядный вес. Попытался достать удиравшего копченого, но тоже не преуспел. Обогнала стрела одного из трех сопровождавших воеводу (небось Развай распорядился) «гвардейцев». Нет, с рукопашкой пора завязывать. Дать дорогу молодым, как говорится.

В общем, подъехал на поле боя Сергей Иванович к шапочному разбору. Оглядел его – и возгордился. Вот что значит – сорок лет боевого опыта. Везде на утоптанном розовом снегу – тушки копченых. А своих вроде и нет никого.

К сожалению, потери были. Как же без них – в сече? Одиннадцать дружинников полегло. Все – молодые. Все – не опоясанные. Отроки.

Восемь – из сотни Корня, двое – из «личной» гриди Духарева. Да один хузарин, увлекшийся погоней и получивший стрелу в спину.

Печенегов же полегло: триста двадцать семь. И еще около сотни все же сумели удрать. Казалось бы – отличная пропорция, учитывая полуторакратное численное превосходство врага, но всё равно жаль мальчишек! О каждом сердце болит... А что делать? Без настоящего боя воином не станешь. Убили – значит, слаб. Не годен. Или удачи не хватило.

Так мыслили в этом времени. Духарев чувствовал неправильность подобных рассуждений, но предложить что-то взамен не мог. Одно утешение: сыновья его с юных лет – лучшие. За то низкий поклон дедушке Рёреху. Тем более что без старого варяга у Сергея Ивановича Духарева и сыновей не было бы. От покойников сыновья не рождаются.

Посол, а если по-византийски – апокрисиарий богопочитаемого императора Василия оказался человеком приятной наружности и дружелюбного нрава. Сразу рассыпался в благодарностях за спасение и даже предложил награду, от которой Сергей отказался. Лично ему денег хватает, а дружина свое взяла на убитых печенегах, вернее, не столько на них, сколько на том, что они успели нахапать.

Узнав, что Духарев – не просто военачальник киевского архонта, а еще и целый спафарий, посол вообще проникся к нему братскими чувствами и полдороги до Киева непрерывно жаловался на то, как тяжело им пришлось по пути сюда.

Сначала – по беспокойному морю (но это были семечки), потом вверх по Днепру-Данапрису (и это тоже было терпимо, хотя без мелких стычек не обошлось), а вот, когда резко

⁵ Надеюсь, читатель простит мне небольшой анахронизм.

похолодало, тогда начались настоящие испытания. Сначала ромеи пытались переправиться на лодках, но упустили время, и по реке поплыли огромные льдины. Несколько лодок раздавило, часть людей погибла. Пришлось ждать, пока Днепр окончательно встанет. Тогда и переправились.

Посла очень впечатлили огромные ледяные горы, в три человеческих роста высотой, возникшие там, где были пороги, но в целом к замерзшему Днепру ромеи отнеслись положительно. Ходить по воде, как по тверди, – это забавно.

Забавы кончились, когда разыгралась метель. К такой погоде посольство было абсолютно не подготовлено. Спали на повозках и на щитах, укрываясь чем попало, и точно померзли бы, если б не наткнулись на селение, жители которого кормились на волоке. Богатым гостям здесь были рады и приняли со радушием. Любой каприз – за ваши деньги. Там ромеи и переждали непогоду. Заодно договорились о проводниках.

Следующий пакет проблем возник, когда пришло время двигаться дальше. Снегу на тракте навалило столько, что, по словам посла, лошади утопали в нем по шею. Волы дошли один за другим. Павших животных съедали. Имущество перераспределяли по другим повозкам или попросту выкидывали.

Караван еле двигался.

Проводники старательно искали дорогу – сбиться с пути в этом белом море было легче легкого.

Вымотались все до крайности.

Часть проводников подалась назад, плюнув на шикарное вознаграждение.

Однако экспедиция упорно ползла вперед, хоть, по утверждению византийца, в день проходили не больше шестидесяти стадий⁶. Останавливались, когда прекращался снегопад, потому что под снегом развести костры у ромеев не получалось. Вымотались до предела, некоторые умерли от переохлаждения... Словом, кошмар. Даже для северного человека такой переход нелегко, а уж для южного... Многие из византийцев и снега-то никогда не видели.

Местные проводники, те, что остались, тоже еле ноги передвигали. Воины-ясы, нанятые для охраны, измотались до крайности. На них ведь еще лежала задача сторожевых дозоров: Дикая Степь всё же.

Так бы они и замерзли бесславно, если бы не добрались до очередного селения.

Отогревались и отдыхали три дня. Больше задерживаться посол не рискнул. Компетентные люди объяснили: зима только началась. Основные холода и снегопады – впереди. Легче не будет.

И ромеи мужественно двинулись дальше.

Духарев не мог не восхититься такой отвагой и упорством. Видно, цель у посольства тоже была серьезная, раз пошли на такие жертвы.

Дав апокрисиарию выговориться, он начал осторожные расспросы. Сначала – о политической ситуации в империи. Типа, как дела в центре цивилизации?

Дела обстояли сложно. Начал посол с дел семилетней давности, о которых Духарев и сам знал, но перебивать собеседника не стал – вдруг всплывет что-то новое.

Начал бучу родственник прежнего императора Иоанна Цимисхия Варда Склир, который при Иоанне занимал должность доместика схол Востока, то есть был главнокомандующим всеми восточными армиями империи.

Доверием нового императора Василия Второго Склир не пользовался. Потому был отправлен командовать в далеко не самую привлекательную фему – Месопотамию. Это примерно как если бы генерала армии назначили на генерал-майорскую должность.

⁶ Чуть больше десяти километров.

Склир обиделся и объявил императором себя, любимого. А почему нет? Мало, что ли, византийских императоров взшло на престол с должности domestica схол?

Авторитет у Склира среди армейцев был немалый: первый богач в империи, знаменитый полководец, с прекрасными связями во всех слоях византийского общества. А вот у Василия на тот момент авторитет никакой. Предоставивший другим, более толковым, например паракимомену Василию Лакапину, управлять империей, распущенный и изнеженный гуляка. Собственно, так оно и было на тот момент. Но когда престол под василевсом Василием Вторым зашатался, тот срочно взялся за ум. И нашел выход.

Вместе с паракимоменом они отыскивали полководца, не менее авторитетного, чем Склир, и не худшего происхождения – тоже родственника императора, только другого – Никифора Фоки.

Звали кандидата – Варда Фока, и в тот момент он находился в изгнании на острове Хиос, куда его отправил император предыдущий, Иоанн Цимисхий. Опять-таки за мятеж.

Что характерно, войско, которое накидало дюлей Варде, возглавлял именно Склир.

Само собой, Василий Второй не торопился возвращать из ссылки такого опасного человека... пока нужда не заставила.

Но – заставила. Вернули. Обласкали. Пожаловали титулом магистра⁷. И возвели в должность domestica схол.

А буде возжелает родич Никифора, разбивши Склира, сам поднять мятеж, взяли с Варды страшную клятву пред алтарем: быть верным Василию Второму.

Засим дали Варде Фоке кое-какое войско и полную свободу действий.

По словам людей знающих, племянник Никифора Фоки был человеком крутейшим. И в воинском деле, и в боевых схватках дядю-императора превосходил однозначно. Одним боевым кличем целую фалангу приводил в замешательство.

Трудно сказать, как там насчет фаланги – боевым кличем, но Склира он гонял в хвост и в гриву. Хоть войско его было числом поменее, однако распорядился он им очень толково. Разбил на отряды и принялся терзать армию Склира, где только мог. Маневр, внезапность, разнообразные воинские хитрости...

Словом, Склиру пришлось туго. Наконец, решив, что достаточно потрепал противника и уронил его боевой дух, Варда Фока решил на генеральное сражение⁸.

Перед началом битвы полководцы решили устроить личный поединок.

Оба были крутые рубаки, оба – уверены в победе.

Верх взял Варда⁹. Склир и его армия бежали. Аж в Ассирию, к царю Хосрою¹⁰.

Полная и окончательная победа. Победитель вернулся в столицу, был награжден, обласкан и приближен к государю.

Но время шло, Автократор византийский крутел (пьянки-гулянки – как отрезало) и в какой-то момент решил, что слава Варды конкурирует с его собственной. И начал Василий Второй своего спасителя понемногу задвигать. Причем так задвинул, что Варда взял и обиделся. Решил, что при таком неуважительном отношении и данная им клятва более недействительна.

Дальше – традиционно. Пурпурные сапоги¹¹ – на ноги. И срочный сбор войска для восстановления справедливости и воцарения нового самодержца. Его, Варды Фоки.

⁷ Высший военный титул в Византии.

⁸ Случилось это в 979 году от Р. Х.

⁹ Яхья Антиохийский и Диакон дают несколько другую картину событий, а Скилица пишет, что именно Склир, чувствуя, что проигрывает битву, бросился на Варду и неслабо ему накидал. Лично я склонен Яхье верить больше, чем хронисту Пселлу, поелику Яхья был куда ближе к центру событий, но официальная версия именно такова, так что ее и подбавляет излагать представителю императора. Хотя какая разница? Факт налицо: Склир разбит и сбежал.

¹⁰ Он же – султан Багдада Адуд-ал-Даула.

¹¹ Напомню, что *красная обувь* – неперемный атрибут императорской власти в Византии. Эксклюзивный.

Надо отметить, что и Василий Второй уже не был таким мягкотелым, как во времена восстания Склира. И вертикаль власти укрепил. Как-никак – восемь лет прошло¹². Но Варда – реально велик. Как полководец – вообще лучший.

То есть дела у законного монарха опять невеселые.

А тут еще на подмогу бывшему своему победителю подоспел из чужих краев Склир с остатками своей армии.

В общем, Автократору ромеев срочно понадобились сильные союзники. Киевский князь – самая подходящая кандидатура. За ценой, как говорится, не постоим – корона Византии на кону.

¹² Восстание Варды Фоки произошло, согласно византийским источникам, в 987 году. Так что есть неувязка с датировкой. У меня на дворе 985-й. Причина проста. Согласно ПВЛ Крещение Руси произошло в 988 году. Если исходить из византийских хроник, то в 988 году даже Владимир еще не был крещен. Безусловно, я куда больше верю грекам, чем нашим переписчикам. Тем более что греческая хронология подтверждается астрономическими данными (прохождение кометы), но ради сохранения общепринятой даты Крещения Руси иду на исторический подлог. Прошу прощения!

Глава четвертая. Великий князь Владимир и тонкости византийской политики

Посла византийского василевса великий князь Владимир принимал с почетом. Парадные одежды, важные бояре, лучшая гридь – молодцы один к одному. Это в палатах. Во дворе – выставка военной мощи: не менее тысячи дружинников. Все – в броне, на конях, суровые, грозные...

У посла, который, увидев хилые, по византийским меркам, киевские стены, хмыкнул скептически, а уж на княжий кремль-терем и вовсе губу скривил, враз выражение поменялось. Вот так, дорогой гость! Мы – люди скромные. И стены нам не особо нужны. Кого бояться-то?

– Большое уважение выказал тебе Владимир, – шепнул Духарев византийцу, когда они въехали во двор. – Всю *малую* дружину в честь тебя построил.

В другое время не стоило бы устраивать демонстрацию силы перед коварным и сильным противником, но сейчас – в самую масть. Молодец, князюшка! Правильно отреагировал на сообщение Сергея. Есть у нас нужный товар. Отборный. А как у вас с мощной? Хватит?

– Мой великий господин, Автократор Богопомазанный Багрянородный император-победитель Василий Второй, повелел мне, мандатору¹³ Мелентию, передать тебе, хакану русов и великому князю киевскому, свой привет и желание здравствовать!

– Встань, – велел Владимир. – Продолжай.

Византиец поднялся с пола, отряхнул налипшую на одежду солому.

«Надо же, – подумал Духарев. – Расстелился, будто перед императором. Видать, крепко прижало ромеев».

– Август и Автократор повелел мне передать тебе скромные дары. Жаль, что не всё я сумел довести, многое осталось в снегах твоей суровой земли. Прости мне сие, хакан и великий князь!

Владимир кивнул благосклонно. Прощаю. Давай тащи, что осталось.

Даров было и впрямь немного. Но – хороши. Оружие, дорогая конская сбруя, одежды шелковые, мужские и женские, сосуды серебряные и стеклянные...

Князю понравилось. Поблагодарил вежливо. Но начать разговор о делах послу не дал. Пригласил к столу.

Кушали культурно. Молодежи не было. Бояре, старшая гридь, отдельно – женщины. «Официальные» жены Владимира: Рогнеда, Айша, дочь болгарского эмира, Малфрида, княжна богемская. Наталии, доставшейся князю «в наследство» от брата Ярополка, не было. Рогнеда – старшая, водимая.

Ниже сидели жены боярские, в том числе и Сергеева Сладислава.

Возглашали тосты. За здоровье. За военные успехи. Обычный набор.

Посол, усаженный с почетом – сразу после Духарева, который, в свою очередь, сидел рядом с Добрыней, чувствовал себя беспокойно. Кормили-поили его с золота. Намек? Или у великого князя этого металла – пруд пруди? Посол склонялся к последнему: с золота кушали многие за княжым столом.

Духарев глядел и радовался. Вот тебе, дипломат византийский! Ломай головушку: как купить того, у кого всё есть? Нет, купить-то можно, но – ценник?

В этот день никаких переговоров не было.

А на следующий великий князь пригласил Духарева к себе.

¹³ Ранг чиновника ниже спафария.

Кроме Владимира в его любимом месте для тайных переговоров – небольшой горнице на самом верху терема, присутствовали еще двое. Дядька и пестун князя воевода Добрыня. И личный телохранитель Владимира Габдулла Шемаханский. Со времен булгарского похода – холоп и цепной пес великого князя. А также его спарринг-партнер по фехтованию. Оружием Габдулла владел виртуозно. Бился и пеше, и конно, из лука за двести шагов стрелу в тыкву вгонял. Обоерукий, как многие варяги, в том числе и сам Владимир, шемаханец был настолько опасным противником, что почти играючи сумел победить духаревского сына Богуслава.

Габдулла достался Владимиру по праву клинка. Сам Габдулла, его доспехи, конь... Всё, что было на войне из Шемахи во время поединка, в котором и сразил его великий князь.

К чести булгар, они очень старались выкупить своего единоверца. Сам эмир булгарский ходатайствовал.

Владимир не согласился. Причина, по которой он пощадил воина бохмичи¹⁴, его потрясающее сходство с убитым братом Ярополком, не позволила князю так просто расстаться с мастером-поединщиком. Так что отбывал Владимир из Волжской Булгарии не только с богатым выкупом и еще одной женой – дочерью эмира булгарского (впрочем, дочерей у эмира было – как грязи, десятка три – не жалко!), но и с новым гриднем, принесшим ему роту¹⁵ на верность по всем исламским правилам.

А куда деться? Выбор у Габдуллы был невелик: или на собственном добром коне, в доспехах и при оружии, или – в цепи полоняников, за которых булгары не стали платить выкуп.

Габдулла очень интересовал Духарева. В первую очередь из-за внешности. Откуда взялось подобное сходство? Шутка Создателя?

Он даже пытался поговорить с шемаханцем, но тот не выразил желаний. Трудно сказать почему, но Габдулла относился к варягам с подчеркнутой враждебностью, причины которой никто не знал. Исключение делалось только для великого князя. С ним шемаханец был подчеркнуто вежлив и повиновался безукоризненно.

Княжий отрок быстро и ловко наполнил чары: Владимиру – пиво, Добрыне – мёду, Духареву – вина. Налил – и испарился.

– Что скажешь, воевода? – нетерпеливо произнес великий князь.

– Скажу: момент удачный, – ответил Сергей Иванович. – Василию *очень* нужна твоя помощь.

– Мои воины, – уточнил Владимир.

– Именно так. Дела у него – кислые. Два старых врага, которых он стравил восемь лет назад, ныне сговорились и пошли на него. Причем для того, чтобы создать василевсу трудности, хватило бы одного – Варды Фоки. Не буду докучать тебе подробностями, пока это ни к чему, но, думаю, уже пол-Византии присягнуло новому императору.

– Он может взять Константинополь? – спросил Добрыня. – Слышал я – стены у него – выше самых высоких деревьев...

– Верно, стены могучие. Но крепость стен – в крепости тех, кто внутри. Варда и братья их не будут. Обложит город со всех сторон, лишит народ продовольствия, заставит поголодать – городские ворота сами откроются. А может, и до голода дело не дойдет. У Варды Фоки в Константинополе много родичей и друзей, человек он знатный и славный. И его союзник, Варда Склир, тоже в империи не последний человек.

– Они что же, родичи? – спросил Владимир.

– Примерно как волк и волкодав, – ответил Сергей. – То, что оба Варды, – не значит ничего. Склир – родич прежнего императора, Цимисхия. Со Склиром мы схватились во Фра-

¹⁴ Так в то время на Руси называли мусульман.

¹⁵ *Рота* – присяга.

кии, когда твой отец брал там виру с ромеев. Отличный военачальник, надо признать. А Варда Фока – племянник другого императора, Никифора Фоки. Помог твоему отцу в свое время.

– Это как же? – удивился князь.

– Очень вовремя поднял восстание против Цимисхия. Кабы не он, Цимисхий, может, и не согласился на такой хороший для нас договор. А восстание Варды Фоки Склир как раз и подавил. А потом, при Василии, уже Склир поднял восстание, и тогда его побил Варда Фока. А теперь они – вместе. Варда Фока назвал себя императором, а Склир у него в союзниках. Без помощи Василию с ними не совладать.

– Ну и ладно, – пробасил Добрыня. – Пускай себе ромеи режут друг друга. Нам то что? Пусть ослабнут, а мы на них и набежим!

– Империя большая, – заметил Духарев. – Врагов у нее много. Но вот беда – от нас далеко. Другие народы куда ближе. Они первыми свой кусок и откусят. Нам не слабые ромеи нужны, а такие, чтоб у нас с ними правильная торговля шла.

– Тебе бы всё торговать, – проворчал Добрыня укоризненно.

– Не я один с ними торгую, – возразил Духарев. – Да и что толку грабить, если потом всё добытое ромеям же спустим? Но не о том речь. Если Варда Фока сядет в Константинополе, нам с того пользы никакой. Полководец он сильный, воинственный. Где другой откупится, этот ударит.

– А Василий? – спросил князь.

– О нем мало знаю. Но больших побед за ним не числится. Мятеж Склира не он подавил, а Варда Фока. Решил с булгарами дунайскими повоевать – был бит. Удирал оттуда, хвост поджавши. Так что, думаю, нам прямая выгода помочь Василию. Заплатит он хорошо. И обязан нам будет.

– А я на дочери его женюсь, – заявил Владимир, уже привыкший к тому, что все мирные договоры с ним закрепляются узами брака. – Есть у него дочь красивая, воевода?

Духарев пожал плечами:

– Дочери императорской крови в Большом императорском дворце найдутся, а вот о красоте их мне не ведомо.

– А если Василия побьют? – спросил Добрыня. – И воев наших – вместе с ним?

Тут уж пожал плечами Владимир. Кого боги любят – тому и победа. Зачем гадать? Но спросил напрямик:

– Ты против, дядя?

– Не то что против... – задумчиво молвил Добрыня. – Но я б еще подумал.

– Торопиться некуда, – сказал Духарев. – Этот Мелентий нашей зимой так напуган, что будет сидеть в Киеве до весны.

– Но он мог бы не сам идти, а послать кого, – справедливо заметил Добрыня.

– Мог бы, – согласился Владимир. – Нам то что? Согласимся мы дать воев – всё равно, пока Днепр не вскрыется, не пойдем. Не согласимся – так и вовсе торопиться некуда.

– Разумно, – кивнул Добрыня. И, погладив бороду, стрельнул насмешливым взглядом в сторону Духарева: – Хороший мёд должен выстояться. Тогда и цена на него другая будет.

На том и порешили.

Следующим утром князь Владимир с дружиной отправились на полюдье.

А днем в дом Духарева заявили посол Мелентий и ромейский старшина Кирилл Спат.

– Мы слышали, хакан Владимир покинул Киев? – после обмена традиционными приветствиями спросил Кирилл.

– Да, уехал на полюдье, – подтвердил Духарев. И пояснил: – Это сбор дани.

– Сам, лично? – удивился Мелентий.

– Такая традиция. И дед его ездил, и отец. Забрать дань, что свезли на погосты, рассудить давние споры... Еще пиры, ловитвы. Это совсем не так скучно, как кажется. И дружину содержать легче. Пока она в Киеве, то кормится из княжских запасов, а когда в другом городе гостит – из городских. Хотя сейчас это уже не так важно, как при его деде, Игоре. Теперь у князя дружина большая и по всей большой земле рассредоточена. Границы держит, в городах за порядком следит, а бывает, и пощиплет кого, – тут Духарев лукаво улыбнулся. – Воинам, особенно молодым, без дела скучно.

– И долго это... полюбье длится? – мрачно спросил посол.

– Когда как. Бывает – месяц. А бывает, и до самой весны.

– Плохо. – Мелентий какое-то время помолчал, потом спросил осторожно: – Светлейший муж, как думаешь: то, что хакан меня не принял, это – дурной знак?

Сергей засмеялся как можно естественнее. Хлопнул панибратски, как старший – младшего, посла по плечу:

– Не обижайся, Мелентий, Владимир и думать забыл о тебе и твоём посольстве. Мало ли к нему послов приезжает... Подарки ему понравились, так что он непременно примет тебя еще раз. А нет, так я походатайствую.

– Сердечно благодарю тебя, светлейший муж! Верь мне: Автократору непременно сообщат о твоём участии!

Духарев махнул рукой:

– Не стоит благодарности! Я помогаю империи. Разве это не мой долг – быть ее мечом?¹⁶ Скажи мне, Мелентий, а не хочешь ли ты сам съездить на ловитвы? Мой старший сын, князь уличский, давно меня звал. Составишь компанию?

Тонкое лицо посла выразило глубокое сомнение. Не хотелось ему никуда ехать. С другой стороны, он не мог обидеть хозяина отказом.

Сергей снова засмеялся.

– Вижу: боишься ты нашей зимы. Не бойся. У меня есть хорошее средство от мороза. Погоди!

Он на пару минут покинул гостей и вернулся уже с большущим свертком в руках.

– Встань, Мелентий! – велел он и освободил содержимое свертка – роскошную лисью шубу. И тут же накинул послу на плечи.

– Чуть велика, – заметил он, оглядев результат, – но больше не меньше. Носи, мандатор, дарю!

Посол порозовел.

– Это очень дорогой подарок, светлейший муж, – пробормотал он. – У нас, в империи, – целое состояние...

– Здесь – тоже, – усмехнулся Духарев, который, естественно, знал, сколько стоят меха в Византии, если продавать их на свободном рынке, а не по фиксированным ценам на подворье близ монастыря Святого Мамы близ Константинополя, отведенного русам по договору. – Считай это дружеским подарком.

Мелентий поклонился и произнес торжественно:

– Ты мог бы считать меня своим верным другом, светлейший муж, только за то, что спас нам жизнь. Такая великая щедрость излишня! – и попытался снять подарок. Но Духарев не позволил.

– Нет уж! – заявил он. – У нас дареного не возвращают.

– Зато у вас принято отдариваться, – сказал Мелентий. – А мне – нечем.

¹⁶ *Спафарий* переводится как «меченосец».

– Поедешь со мной на ловитвы! – заявил Духарев. – Это и будет твоей отдаркой. Уверю: в такой шубе ты ни за что не замерзнешь, а с моими воинами к нам ни один разбойник не сунется. Ни степной, ни лесной.

Тут он малость ошибся, но выяснилось это только через пару недель.

Глава пятая, в которой мирное путешествие заканчивается кровавой сечей

Выехали через два дня. Сладислава тоже захотела повидать сына, и ей надо было закончить домашние дела, отдать нужные распоряжения... За старшего в доме оставался Рёрах, но он так, для общего пригляду. Слада больше доверяла ключнице Марфе, немолодой уже вдовехристианке с Подола, у которой несколько лет назад сварожичи сожгли дом. Хорошо, ее и детей не тронули. Слада Марфу сначала просто приютила, взявши в рядные холопки, а потом, увидев, что баба толковая, стала приучать к руководству дворней.

«Ей бы к старательности еще и властности немного», – жаловалась Сладислава мужу.

В общем, роль главы рода – Рёраху. Дворню – Марфе, а торговые дела – приказчику Кузьме, тому, что владел и ромейским, и латинским письмом, да и сам был не дурак, в торговле ловок. Оставили на всякий случай десяток дружинных и отбыли.

Выехали комфортно: с восемью санями, везшими зимние шатры на всех, припасы, подарки и Сладиславу. Было в санях и лишнее место: ежели занедужит кто или просто устанет. До Улича путь не то чтобы далек, но и не близок.

Погода стояла солнечная, умеренно морозная. Зимник вдоль Днепра был накатан, сани скользили легко, дружина шла тоже свободно, не сторожась.

Посланник ромейский взбодрился. Хоть и был укутан в шубу до глаз, но глаза были – веселые.

На ночь ставили шатры, варили кулеш со свежатиной, добытой духаревскими гриднями. А то и рыбой баловались: вои пробивали полыньи и ставили на ночь сети, которые поутру редко были пустыми. Чтобы прокормить почти сто человек: гридь да челядь – еды требуется немало. Да еще лошадам корм нужен.

Сено брали у поселян: где за деньги, а где и так, если Духарев не успевал уследить. Гридь смотрела на смердов как на овец. Кто ж овцам за шерсть платит?

Сложнее стало, когда пришлось свернуть с большой дороги на малую, что вела в уличские земли. Теперь всадники шли уже не вольно, а попарно, а сани кое-где приходилось гуртом перетаскивать через могучие коренья. Лес здесь был частый и густой. Не такие великаны, как на севере, но деревья тоже немаленькие. Встречались и дубы. Иные – с мелкими приношениями. Дуб – дерево священное.

Хорошо хоть погода радовала. Ни снегопада, ни метели, ни вьюги. Посыплет иногда мелким пухом с неба, и всё.

Но однажды ночью Духареву приснился дурной сон. Лесная заснеженная поляна, полная луна, огромная, яркая, а на испятнанном черным снегу – побитые гридни. Его гридни. Почему-то без брони и одетые не по-зимнему...

Тут Сергей и проснулся. Сел, осторожно выпроставшись из-под медвежьего одеяла, огляделся.

В шатре все спали: Слада, челядинка-служанка, ромей под дареной шубой...

Снаружи всё тихо было. Но воевода всё-таки выглянул... Нет, действительно тихо. Караульный у шатра, караульные по границам лагеря. Бдят. Глянул и на луну. Луна была похожа на ту, что во сне. Только не целая, а со щербиной на боку. Сергей попытался припомнить: в убыли она сейчас или в прибыли. Не вспомнил. Кажется, прибывает...

Воевода вернулся в шатер, осторожно, чтоб не разбудить жену, залез в тепло, под шкуру.

Ведовской дар теперь редко посещал Духарева, так что сон вряд ли был вещим. Или – был?

Утром, после того как тронулись, Сергей спросил у Развая:

– Скажи мне, сотник, луна нынче убывает или прибывает?

– Прибывает, – не раздумывая, ответил варяг. – Завтрашней ночью в полную силу войдет.

– Ага... – Духарев подумал немного и распорядился: – Дозоры усилить. Брони вздеть, но шубы поверх накинуть. Чтоб железом не светили. Пошлешь двоих с заводными к уличскому князю, пусть известят: «Отец в гости едет. Встречай». Надежных пошли. Таких, чтоб опасность нюхом чуяли!

– А ты, воевода, что? Чуешь? – насторожился Развай.

– Наверняка не знаю, но... лучше побережься.

– Ой, не думаю я, батька, что на нас кто рискнет наехать! – беспечно заявил Развай. – Это ж какие наглые разбойники должны быть, чтоб на малую сотню гриди налететь?

– А ты не думай, – холодно произнес Духарев. – Ты делай.

– Сделаем, батька! – пообещал сотник и умчался отдавать распоряжения. Непохоже, что он принял опасения воеводы всерьез, но это – наплевать. Сделает всё как следует.

И сделал.

Даже на «обеденной» остановке, без всякого напоминания Духарева, Развай организовал дополнительную охрану. И дозор вперед отправил...

Ничего не случилось. Даже чужого взгляда Сергей за весь день не ощутил ни разу.

Хотя не факт, что не было. Когда вокруг столько народу, сосредоточиться трудно. А самому в дозор уехать как-то неавторитетно. Да и дружинников обижать недоверием не хотелось.

Вечером, когда встали лагерем (поляну выбрали побольше), Духарев распорядился ставить сани полукольцом, а лошадей привязать поблизости. А когда ложились спать, велел всем спать в бронях. Дружина не роптала. Есть опасность, нет опасности – воевода сказал, они сделали.

Луны на небе не было. Еще не взошла.

– Дозоры удвоить, – велел Духарев. – Костры потушить. Бдить. Луна когда взойдет?

– К третьей страже, – не раздумывая, ответил сотник.

– Третью стражу примешь сам. И меня разбудишь.

– Понял, батька.

Серьезность воеводы сделала свое дело: Развай проникся.

– Что, светлейший Сергей, нам кто-то угрожает? – поинтересовался Мелентий.

– Может – да, а может, и нет, – неопределенно ответил Духарев. – Непокойно мне что-то. Лучше побережься.

Уснул – как в черную дыру упал. Сразу и без сновидений. Проснулся от легкого прикосновения.

– Время, батька...

Снаружи было тихо, только лошади перетаптывались, да какая-то ночная птица протяжно ухала.

Луна только-только показалась над верхушками деревьев. Большая, дымчатая...

Духарев втянул носом воздух, прислушался... Ничего.

Может, зря всполошился?

– Лошадки волнуются, – вдруг сказал Развай. – Чуют кого-то. Может, волки?

– Может, и волки, – пробормотал Духарев. – Сотник! Поднимай гридь. Только пусть до времени в шатрах сидят, не показываются.

Теперь он был уверен: враг недалеко. Вопрос: что за враг? И сколько их?

Размышляя, Духарев накинул тетиву. Открыл крышку колчана...

Не было печали, так с ведьмой повенчали. Еще бы дня два – и были бы в Уличе. И леса эти... Теснота, видимость – пятьдесят метров. То ли дело – степь. Хотя в степи сейчас снегу – по пояс. А то и по грудь.

А что это там мелькнуло, беленькое на черном фоне?

Духарев вскинул лук. Звонко щелкнула тетива...

И – короткий вопль. Есть попадание!

Тотчас всё пространство на лесной опушке заполнилось людьми. Запели-заверещали стрелы... Быстрый взгляд вокруг: нет, атака только с одной стороны. На то и рассчитывал Сергей, выстраивая сани полмесяцем.

Духарев прижался к стенке шатра, чтоб не отсвечивать, и пошел метать по две стрелы сразу. Нападающие бежали так густо, что и целиться не надо. Не вои, а мужичье какое-то... Но как много. Всё валят и валят.

Воевода сорвал с пояса рог. Затрубил: «К бою!»

Из шатров выскочили гридни, выстроились в две линии, прикрываясь щитами. Третья линия – отроки, у которых и бронь поплоче и опыта меньше, – встали за спинами своих, меча стрелы навесом.

Из воеводино шатра выбрался Мелентий. Оружный, со щитом. Без шубы, с которой последние дни просто не расставался. Вероятно, опасался, что попортят.

– Кто напал? Много?

– Побьем – посчитаем, – пообещал Духарев. – Щитом меня прикрывай, мандатор!

И вновь принялся метать стрелы.

Однако в него больше не целили. Основной бой пришелся на дружинников. Но и среди тех вроде потерь не было. Умелые. Да и стрелы у ворогов слабенькие.

Духарев выдернул одну, застрявшую в ткани шатра... Точно. Охотничий срез. Страшное оружие против косули или там зайца. Но бронь разве что оцарапает. Даже шатровую ткань не пробил. Но не будем недооценивать противника. Вон их сколько. Уже сейчас по самым скромным прикидкам – не менее полутысячи. А из леса новые прут. Это, считай, родов десять поднялось, не менее. Лесовики. На лыжах бегут, ходко. Остановятся, стрельнут и дальше бегут. Вооружение, похоже, примитивное. Рогатины, топоры... Мечей ни у кого не видно. Первые уже у шеренги гридней. Духарев засмеялся. Добро пожаловать в Ирий, господа язычники! Мелентий удивленно поглядел на него. С чего веселиться, если такая масса валит?

А с того, что на коротких лыжах по снегу настоящего разгона не получится, так что продавить строй – никаких шансов. Сергею очень легко было представить себя на месте пешего гридня. Слева – друг-соратник, справа – друг-соратник. Сзади еще один, с длинным копьем, если пособить понадобится. Только – не понадобится. Дело не сложнее, чем для хозяйки капусты нарубить. Спереди набегают смерд с рогатиной. Рот раззявлен, глаза выпучены, бородаща – торчком. Закусаю! Кабы он на медведя так пошел, враз стал бы сытным обедом. Только смерды на медведя редко ходят. Это благородное развлечение.

Легкий отбой щитом – и рогатина уходит вверх. Затем короткое движение клинком, толчок ногой или щитом – чтоб прямо под ноги не упал, и принимаем следующего.

И так по всей длине строя.

А вороги всё прибывают. На поляне уже черным-черно. Лезут, спотыкаясь о собственных покойников. Сейчас бы точно строй продавили...

Но – поздно. Теперь перед ними барьер – из своих же, убитых и покалеченных, стонущих, вопящих...

Сергей выпустил последнюю стрелу, закрыл колчан, бросил лук в налuch.

Подумал: «Сейчас обходить начнут». И снова взялся за рог. Сигнал: «Все в круг!» Надеюсь, Развай сообразит.

Сообразил.

Вторая линия выдвинулась вперед, включившись в рукопашную, а первая рассредоточилась, заняв круговую оборону.

Но нападающие продолжали переть в лоб и перли, пока лобовая атака окончательно не захлебнулась. Перед строем дружинников образовалась баррикада из тел в пятьдесят метров длиной, метра два шириной и почти полтора метра в высоту.

Дружинников из строя вышло семеро. Все – с ранениями рук и ног. Ими тут же занялась Сладислава – под прикрытием щитов.

Духарев старался высмотреть, что происходит среди противников. Какая-то суета... Но обстрел прекратился.

– Не стрелять! – раздался приказ Развая.

Правильная тема. Стрелы надо беречь. Что же всё-таки это за напасть такая? Судя по подготовке – смерды. Зачем им нападать на воинов? Это ж самоубийство. Да и смерд просто так на смерть не пойдет. Он к этому непривычен. Значит, что-то его подвигло? А может, не знали, что имеют дело с воинами? Или никогда не сталкивались? Это же так просто: их меньше сотни, а нас целая тысяча. Зипунами закидаем. Могли бы и закидать. Если по уму. Но если по уму – так не полезли бы.

Пауза затянулась. Надо что-то предпринять. Перехватить инициативу...

– Дай-ка мне свой щит, – попросил Духарев. – Нет, лучше факел мне зажгите и ветку дайте какую-нибудь зеленую. Вон нарубленный лапник, оттуда возьмите.

Так, с еловой веткой в одной руке и факелом в другой Сергей взобрался на одни из саней и призывно замахал огнем.

«Начнут стрелять – успею спрыгнуть», – подумал он. Но лучше обойтись. Прыгать с высоты ему нежелательно. Так в один голос утверждали и парс, и Сладислава. Хотя какая тут высота. Полсажени.

– Я – воевода киевский Сергей! – закричал он, не жалея наработанного в битвах командирского голоса. – А вы кто такие?

Услышали. И стрелять не стали.

Из общей кучи выдвинулись трое. Показали открытые ладони. Один поманил: зачем, мол, орать? Иди к нам.

Духарев слез с саней, опершись на подставленные руки гридня, и двинулся к переговорщикам.

Гридь раздвинулась, пропуская.

– Мы бдим, батька, – негромко сказал ему Развай.

Кто бы сомневался? Сейчас десятка три лучников держат под прицелом и переговорщиков, и вооруженную толпу. Войском такое сборище назвать – язык не поворачивался.

Троица выглядела солидно: во-первых, dospешные. Во-вторых, кряжистые. В-третьих, в себе уверенные.

– Ну так кто же вы такие? – повторил вопрос Духарев.

– Я – Калас, боевой вожь рода Ивицы, – пробасил тот, что стоял в центре.

– Щитобой, боевой вожь рода Серой Цапли.

– Лисянин, боевой вожь рода Медведя.

– Надо же, – усмехнулся Духарев. – Род Медведя, а сам – Лисянин. Нескладно получается.

– Нескладно, да ладно, – проворчал Лисянин. – Говори, чужак, зачем в наш лес пришел?

– Дорога – общая, – заметил Духарев. – Да и лес – ваш ли?

– Наш-наш! – заверил Щитобой. – Не сомневайся, седоусый!

– И дорогой нас не пеняй! – подал голос Калас. – На дороге мы тебя не тронули. Мы не разбойники.

– Это уж как князь решит, – сказал Духарев.

– Какой еще князь? – воскликнул Щитобой. – Ваш, что ли, киевский? Так он на полюдьё уехал! О том всем ведомо!

– Почему ж киевский? Ваш, уличский. Князь Артём.

Трое переглянулись.

Потом Калас сказал:

– Он не наш князь и о том знает. Он в наши леса не суется. По Дикому Полю бегают, печенегов бьет.

– А не бил бы – они б к вам прибежали.

Все трое разом заухмылялись. Реплика воеводы их позабавила.

– Глупости говоришь, – заявил Лисянин. – Что степнякам в лесу делать? Они меж двух осин заплутают!

– Ты слова-то выбирай, лис медвежий! – строго сказал Духарев. – Нет уважения к званию моему, так хоть к годам поимей!

Лисянин малость смутился. Не принято у родовичей старшим хамить.

– Печенег, может, и заплутает, – продолжал Духарев. – А вот князь Артём – вряд ли. Он вятичей уму-разуму учил, а ваши леса в сравнении с их чащами – кустики чахлые. Так что зря вы, *военные* вожди, – Духарев выделил слово иронией, – на настоящих воев исполчились. Только людей зря губите, – он сделал красноречивый жест в сторону «баррикады». – А у них ведь и жены были, и детишки. Сиротами остались.

– Род прокормит, – буркнул Калас, но Духарев не обратил на его реплику внимания:

– А может, вас подбил кто?

Троица вновь переглянулась. Но разобрать выражение лиц Духарев не смог. Темновато.

– Ладно, – сказал он. – Говорите, что хотите от меня, или покончим с болтовней и за дело возьмемся.

– За какое дело? – спросил Щитобой.

– Воинское дело, военный вождь! Воинское! Вы будете лезть, а мы вас – бить.

– Рука-то не устанет? – едко осведомился Лисянин.

– А мы привычные, – усмехнулся Духарев. – Нам с утра до ночи биться – как тебе землю пахать.

– Я не пахарь! – рассердился Лисянин. – Мы, род Медведя, все охотники!

– Ну извини. Тогда как силки на зайцев ставить, чтоб тебе понятней было. Так чего хотите?

– Мы вас пропустим, – после небольшой паузы заявил Калас. – Товары можете с собой забрать. Только оружие оставьте. Поедешь к своему князю, воевода, и скажешь ему, что дани мы больше не платим. И оборонять нас не надо – сами оборонимся!

– Смешной ты человек, военный вождь Калас! – сказал Духарев. – Так мы тебе свое оружие и оставили!

– Если ты боишься, воевода, то зря! – сурово сказал Калас. – Хочешь, пред богами клятву дам, что никого из вас не тронем и ничего не возьмем? Мы не разбойники!

– Я боюсь? – демонстративно удивился Сергей. – Это вы – бойтесь! А уходить нам – не к спеху. Припасов хватает, погода хорошая. Заодно стрелы ваши пособираем. Но тоже, обещаю, вернем. Все до единой!

– Пока вы говорили, батька, они увели наших лошадей!

Это было первое, что сообщил Развай, когда Сергей вернулся в лагерь. Духарев кивнул. Этого следовало ожидать.

– Как же мы – без них? – огорчился Мелентий, когда Сергей перевел ему эту новость. – Надо было их в лагерь забрать!

– И получить кроме врага еще сотню взбесившихся коней? – поинтересовался воевода.

– Почему – взбесившихся?

– А потому, что, когда в коня попадает стрела, ему это не нравится. Ты не знал?

Ромей смутился. Потом спросил:

– И что мы теперь будем делать?

– Ждать.

И ушел к Сладиславе: узнать, как там раненные?

Положение на самом деле было хуже, чем Сергей Иванович нарисовал уличам.

Пищи у них было – дней на пять. В пути главную часть рациона составляли не припасы, а добытая гриднями-охотниками свежати́на. Но это еще полбе́ды. Овес, припасенный для лошадей, тоже можно кушать. Хуже, что почти совсем не осталось дров. А вокруг все же зима. Пусть не лютый, но вполне ощутимый морозец. Гридь-то переживет, а вот раненых надо держать в тепле. И пищу варить...

Ничего! Что-нибудь придумаем. Сергей вспомнил, как во время осады Доростола они сделали лихую вылазку и захватили обоз ромеев. Почему бы и здесь не повторить тот же вариант?

Сергей вызвал Развая и велел посчитать припасы, учитывая и овес для коней. Гридь разбить на смены по десять человек и бдить непрерывно по всему периметру. Уличей вокруг скопилось – видимо-невидимо. В любой момент могут попереть в атаку, наплевав на потери. Тем более что в какую-нибудь из мужицких голов может прийти дельная мысль, что киевлян выпускать ни в коем случае нельзя. Узнает князь: хоть киевский, хоть уличский, – накажет беспощадно. Или они совсем страх потеряли?

Одно хорошо: по зимнему времени трупы не смердят.

Утром от уличей пришел переговорщик. Просил дать похоронить убитых.

– Вороны похоронят! – ответил ему Развай. – Убирайся!

И сбил стрелу ему под ноги. Стрел можно было не жалеть. Собрали почти три тысячи. Каждому гридню – по полному колчану.

Переговорщик убежал.

Днем уличи устроили шоу. Из леса на опушку выбрались три колоритных персонажа: в шапках с висюльками, с посохами и прочими атрибутами духовного звания. Жрецы. Выбрались – и принялись колдовать.

Гридь забеспокоилась. Большинство были язычниками.

Духарев решил провести разъяснительную работу:

– Бог наш воинский – Перун! – заявил он. – Думаете, он не защитит вас от каких-то смердых божков? И вообще, не нравится, как они пляшут, так сделайте чтоб не плясали! Заодно поглядите, спасут ли их боги от добрых стрел.

– Но ведь убитый колдун опасней живого, – неуверенно произнес кто-то из дружинников. – Будет ходить по ночам, удачу красть.

– Так ты не убивай, – посоветовал Духарев. – Стрела в ляжку – и делу конец.

Гридни сразу повеселели. Похватались за луки.

– Не все! – Рявкнул Развай. – Сам выберу!

Отобрал пяток стрелков получше и послал на огневой рубеж.

– Разберись! Бей!

Пять тетив шелкнули одновременно, и хищные стрелы ушли в полет.

Ни одна не пропала. Двое, правда, занизили прицел, и попадание вышло пониже колена. Но хрен редьки не слаще. Оттанцевались служители языческого культа!

Один – ползком, другой – на карачках «помчались» под защиту леса. Третий остался лежать.

Но его не бросили. На опушку выскочили мужики, человек десять, похватили всех раненых и поволокли под прикрытие.

– Бить? – спросил Развай.

Духарев покачал головой. Не хотелось зря кровь проливать. Эх, дурачье! Кто ж вас надумил – бунтовать?

День прошел спокойно.

Вечер – тоже.

– Как думаешь, батька, будет ночью драка? – спросил Развай.

– Непременно, – пообещал Сергей.

– Неужели – нападут?

– Мы нападём!

На вылазку отправились почти все. В лагере осталось всего пятеро дружинников. И сам Духарев. Решил: не по годам ему с молодыми тягаться.

Риск был немал. Если бы вместо смердов им противостояли настоящие воины, Духарев ни за что не стал бы так рисковать.

Открытое пространство до леса одолели без проблем. Луны не было, а снег после побоища был так запятнан кровью и грязью, что напрочь лишился девственной белизны.

В лесу было совсем темно, но тут как раз снег выручал, помогал ориентироваться.

К стоянке улочей подошли незамеченными. Тоже неудивительно. У развоевавшихся смердов имелись аж двое часовых, но они без толку бродили кругами и на костры глядели больше, чем на подступы к поляне, на которой расположились.

Улочей на полянке было – не меньше сотни. Кто спал, кто грелся у костров.

Что особенно удачно: неподалеку, привязанные к деревьям, меланхолично дремали восемь угнанных лошадок. А чуть в стороне были аккуратно сложены нарубленные стволы. Дровишки.

– Десятников – ко мне, – шепнул Развай.

Ухнул филин – и началось. Караульные и неспящие разом повалились, побитые стрелами. Семь десятков гридней разом выскочили из кустов, распределились и принялись колоть и рубить спящих. Двадцать ударов сердца – и вокруг одни покойники. Только одного, в самой важной шубе, Развай велел пощадить и упаковать для беседы.

Затем начался грабеж. Вязали всё подчистую: припасы в мешках, две кабаньи туши и одну оленью. Десяток зайцев и шесть здоровенных мерзлых рыбин. Само собой, всю древесину, включая увязанный в охапки хворост. Бревна, соорудив простую упряжь, тащили лошадьми, для прочего наскоро изготовили волокуши. Забрали все стрелы, что нашлись и, само собой, деньги. Это уже по привычке: навар был скудный: медь да кожаные куны. На всех и полгривны не набралось. Зато прихватили меховые подстилки и одеяла.

В общем, нагрузились так, что, напади сейчас улочи – не отбились бы.

Но не напали. Видать, не услышали, как их соратников на ту сторону Кромки спровадили.

В лагерь вернулись победителями. Ценнейшие (с учетом нынешней ситуации) трофеи, лошади, пленник. И – ни одной царапины.

Сергей на похвалы не поскупился. Обещал: когда (именно когда, а не если) вернутся домой, одарить каждого за доблесть по-княжьи.

И тут же кликнул еще двух добровольцев: скакать в Улич (или навстречу князю, если он уже выехал) и рассказать о том, что случилось.

Добровольцами вызвались все. Пришлось Разваю выбирать самых подходящих.

Гонцы взяли четверых лошадок порезвее, по мешку овса на каждую (сейчас кормить некогда), подседлались и канули в ночи.

Раздавшиеся поутру со стороны леса трагические вопли уличей, обнаруживших недостачу земляков, вызвали у плотно позавтракавших дружинников довольные ухмылки.

«Вот так! – злорадно думал каждый. – Теперь и вам спать вполглаза!»

Пленника допросили. Железо не понадобилось. Перепуганный смерд, оказавшийся не одним из вождей, а просто удачливым охотником, справившим из добычи знатную шубку, болтал бойко. Но ничего такого, о чем Духарев не догадывался ранее, не поведал. Да, бучу замутили жрецы. Но поддержали их весьма охотно. Платить дань, даже малую, лесовики не любили, поскольку были уверены, что в княжьей защите не нуждаются, а найти их в лесных чащах – дело для чужих не столько непосильное, сколько хлопотное. Примерно как мышей мечом рубить. А вот разграбить богатый обоз сборщиков дани (вот за кого приняли отряд Духарева) – милое дело. Боги одобрили. Правда, устами своих жрецов, потребовали за «поддержку» третью долю добычи, но плата никому не показалась чрезмерной. Хотя, когда выяснилось, что взять киевских воев врасплох не удалось, жрецам были выставлены серьезные претензии, от которых служители языческого культа, по обыкновению, легко отбрехали. И пообещали, что «боги» себя еще проявят.

К последнему утверждению Сергей отнесся несерьезно. И – напрасно.

День прошел спокойно. В лесу наблюдалось активное шевеление, но не более того. Здорово мешали вороны, устроившие праздник живота на валу из трупов – живых к этому времени в гигантской груде тел не осталось. Гонять падальщиков было бесполезно. Бить стрелами – жалко. Стрел.

Зато еды теперь было вдоволь. И дров. Сергей решил не экономить. Очень надеялся, что подойдет помощь из Улича. У сына – больше тысячи дружинников. Причем не просиживающих штаны по Детинцам, а с апреля до октября активно полевавших в Дикой Степи, бивших и печенегов, и угров, забывших о том, что у их великого князя Гезы, прозванного земляками «Кровавые руки», с Киевом – мирное соглашение.

Прозвище сын Такшоня Геза получил не совсем заслуженно. Среди современников-правителей были и покровавее. А Геза всего лишь перерезал тех, кто посчитал неправильным его наследование отцу. Согласно лествичному праву, практиковавшемуся в Венгрии, на его стол должен был сесть старший в роду, но Геза оказался сильнее обычаев. Духарев знал его лично и относился к нему с симпатией. Геза был прекрасным воином. А как позже выяснилось, еще лучшим политиком. Женился (правда, с подачи отца) на дочери одного из сильнейших лидеров – владыки Трансильвании. Девушка эта, кстати, считалась самой красивой женщиной Венгрии.

После смерти отца Геза резко сузил внешнюю, то бишь разбойную деятельность (очень вовремя!) и даже крестился лет десять назад. Причем тоже грамотно: мимо немецкого и византийского духовенства – непосредственно у представителя Папы Римского. А за год до этого официально замирился с германским императором Оттоном. Кстати, крестившись, подданных приводить к Христу не стал, а сам продолжал приносить жертвы старым богам. На претензии духовенства отвечал так: я – человек небедный. У меня на всех хватит. Кстати, и жен, коих по языческому обычаю у него было несколько, от себя гнать не стал. В общем, делал Геза Такшонович всё, что хотел, и всё ему с рук шло. И более того, неизменно приводило к укреплению государства.

Кстати, когда пару лет назад в Священной Римской империи германской нации началась заварушка, Геза плюнул на договор и хапнул часть Австрии.

Вряд ли он стал бы злоумышлять против киевского князя, но не все угры ходили строго под своим лидером. Иные не прочь были и пошалить. Но в сравнении с печенегами это была капля в море.

Впрочем, воям уличского князя было без разницы, кого бить. Кто сунется – тому и смерть.

Неужто теперь пришла очередь своих, уличей?

Напрасно Духарев переживал за уличей. Ему бы лучше за свою чать да дружину беспокоиться.

Утром уличские вожди нанесли удар. На этот раз, похоже, в полную силу. Поперли со всех сторон несметным числом, да не дуром, а с опаской: каждый прихватил здоровенную вязанку хвороста, которой и прикрывался, будто щитом. А первые вообще с деревянными щитами шли: грубыми, тяжелыми, связанными кое-как, но в качестве защиты весьма эффективными.

Гридни, конечно, искали бреши. Находили, стреляли и попадали. Однако это несерьезно. Пять минут – и дело дошло до рукопашной.

Тут хворост тоже помог – уличи кидали его под ноги, чтобы удобнее было лезть на сани.

Да и щитыгодились. Упершись человек по десять-пятнадцать, смерды сдвигали сани, продавливали кольцо защитников... Которых было катастрофически мало. Духарев понял: лагерь не удержать. Уцелеть бы самим!

«Все ко мне!» – протрубил он.

Тренированная гридь тут же отступила, перестроилась кольцом. Заслонив слабых: раненых, челядь...

Сразу стало легче. Привычный строй, привычная работа. Духареву вспомнилось, как вот так же стояли на Хортице против печенегов Курэя...

Эх, не повторить бы судьбу Святославовой дружины!

Большая часть уличей, оказавшись в лагере, тут же кинулась грабить. Но не все. Больше половины лесовиков, понукаемых кто – мезтью, кто – волей вождей, столпились вокруг крохотного островка духаревской дружины... и остановились.

Гриди остались – шесть неполных десятков (многие полегли во время первого натиска), но идти на железную стену смердам было страшно. Помнили, что из этого может выйти.

И тут подоспели смелые.

Толпа звероватых мужиков с топорами да копьями мало отличалась от остальных уличей. Но всё же отличалась.

Во-первых, они были полуголые, в каких-то лохматых шкурах. Во-вторых – бесстрашные. Судя по безумным мордам – явно чем-то опоенные.

Эти – не сомневались. Вопя, приплясывая на ходу, размахивая своей скорее охотничье-сельскохозяйственной, чем военной снастью, они сходу накатили на гридь.

Пусть рогатина и не военный инструмент, а топор дровосека слишком неуклюж для правильной битвы, но и тем и другим можно запросто крушить щиты, шлемы, панцири и кости под ними.

Да уж! Не обманули жрецы. Этакое берсерочье равнодушие нападавших к ранам однозначно приписывалось «божественному» вмешательству. Посредством известных психотропных средств натурального происхождения.

Рубилово получилось страшное. Мечи дружинников секли руки, ноги, головы... Но людей-зверей было не остановить. Иному меч втыкался в живот, а он насаживался еще больше, вцеплялся руками в дружинника и вытаскивал его из строя... Где гридня тут же и забивали. Безумцы лезли нахрапом, вбивали с размаху топоры в щиты, тут же гибли, но им на смену приходили другие. Шуйцы гридней немели от удвоенной, утроенной тяжести...

Кольцо дружинников сжималось. Духареву пришлось самому встать в строй. Рядом с ним оказался Мелентий.

Сергей не стал его прогонять: похоже, так и так конец. Даже сдаться не получится. Эти – порвут.

Рост и длинные руки давали Духареву кое-какое преимущество. Щит он тоже брать не стал. Меч – в левой, сабля – в правой. Ошибки не допускаются. Подпустишь упыря к себе – конец.

Так что приходилось не подпускать. Колоть в туловище Сергей избегал – чтоб клинок не увяз. Мечом он по большей части парировал, а вот сабля трудилась. Добрый дамаск запросто сек кольчуги, так что мясо и кости ему были – как ножу холодец. Разил Духарев без промаха. Бесноватые совсем не береглись...

Краем глаза заметил: Мелентий бьется уже мечом. Копье где-то затерялось. Вернее, в ком-то.

Слева от Духарева – Развай. Спокойный, сосредоточенный. Дышит ровно, бьет точно. Удар – труп.

А вот у Сергея дыхание уже начало сбиваться. Возраст. Черт! Ну когда же они кончатся? Безумцы кончились.

Но не кончилась битва.

Внезапно перед Духаревым появился не полуголый псих, а нормально одетый смерд. Заорал, выпучил глаза и метнул дротик. Ловить было нечем, уклоняться нельзя (за спиной – люди), так что отбил. Вернее, срубил. Не совсем удачно. Древко отскочило в лицо, рассекло скулу. Хорошо, что в глаз не попало.

На смену зарубленному метальщику пришли сразу двое. У одного тоже дротик, а вот у другого – тяжелая сулица. Вот когда щит не помешал бы! Духарев, с двух рук, отбил оба предмета вверх, молясь, чтобы никому за спиной не прилетело, махнул по нижнему уровню, вспарывая плоть, толкнул в плечи Мелентия и Развая, крикнул: «Сомкнись!» И отступил за спины. Оглянулся.

На крохотном пятачке сгрудились его люди. Челядники, раненые... А, вот и Слада, перевязывает кого-то. В груди чуток отпустило. Над ней, ранеными и женщинами – шалашики из щитов.

– Стрелять кто умеет? – крикнул воевода челядникам.

Четверо отозвались тут же. Еще двое – чуть погодя.

– Берите луки и бейте над головами. Как сможете. Выживем – вольную дам. Кто захочет. Сам взял собственный лук, примерился и выстрелил между голов гридней.

Смерд, как раз собравшийся метнуть копьё, опрокинулся на своих со стрелой в груди. Сергей круто развернулся и выцелил следующего.

В общем, уличи выбрали разумную тактику. Не стали лезть по трупам, чтобы сойтись врукопашную, а решили закидать острыми предметами. Учитывая их численность – отличная идея. За то время, что Духарев провел в кругу (минута, максимум), ранили одного гридня и еще одному пришлось заменить щит, потому что вражье копьё увязло очень основательно.

Но забыли, злодеи, что не у них одних есть дистанционное оружие.

Духарев за две минуты выпустил три дюжины стрел. Натягивал на треть, силы берег. И так хватало – почти в упор, в бездоспешных. Его холопы тоже сеяли смерть, но уже в толпе.

Кажется, боевой дух у противника поубавился. Вот так-то! Настроились, вишь, метать по живым мишеням, а мишени взяли и дали сдачи!

– Развай! – взревел Духарев в полную мощь, чтоб все слышали. – Стрелами – бей!

У кого-то снаряженные луки в налучах уже были за спиной. Кому-то пришлось покинуть строй, однако никто не сробел. Щиты наземь, мечи – в ножны. Дистанция – двадцать метров.

Прямой выстрел. Вразной зашелкали тетивы. Сначала били на выбор – самых агрессивных, метателей. Потом – всех подряд.

Похоже, луков у нападающих не было. Решили, что охотничьими стрелами бронных не обидеть. В общем, правильно решили. Хотя можно и по ногам бить, и в незащищенную часть лица целить. При плотном обстреле не устояли бы...

Но не устояли смерды. Испугались. Бросились врассыпную, оставляя на грязном снегу дергающиеся тела... Неужели – всё?

Да, всё. На этот раз отбились. Уличи разбежались. Все. Даже те, кто не дрался, а грабил, тоже дали деру.

Духарев без сил опустился на поднесенное кем-то седло. Устал адски.

Гридни еще поупражнялись в стрельбе, подшибая мародеров, увлакивающих духаревское и общее добро. Потом поле битвы опустело. Пришло время посчитать потери.

Потери были ужасны. На ногах осталось всего двадцать шесть дружинников. Восемнадцать раненых. Остальные мертвы. Тех, кто упал, добила опоевские псы. Из холопов пострадали четверо. И одну девушку убили случайным дротиком.

Что хорошо – улики не тронули жратву. Нашлась у них добыча получше.

Глава шестая. Игра на добивание

Раненых уложили на сани. Это были те, кто получил серьезные раны. Сладислава сказала, что при должном уходе большинство выживет. Только как его получить, этот должный уход?

– Это уж твоя забота, муж, – сказала Сладислава, извлекая щепку из скулы Сергея и густо накладывая мазь. – Я сделала, что могла.

Держалась она изумительно. Уверенно и бесстрашно. Одним лишь видом внушая раненым надежду.

Духарев тоже держал лицо, но понимал – дела их – кислые.

Да, уличи потеряли кучу народа: примерно четверть личного состава. Но это ничего не меняло. Да, сбежали. Но непременно вернуться и добьют. Их колдуны сварят еще бочку бешеного молочка или чем там они опаивали людей, и опять придется схватиться с сотней доморощенных берсерков. А за ними – еще тысяча. Добивать.

Но раньше, к некоторому удивлению Духарева, явился Лисянин. Один. С веткой в руке.

– А где твои дружки, Калас со Щитобоем? – поинтересовался воевода.

– Они не могут прийти! – заявил военный лидер Медведей.

Понимай как хочешь. Либо – мертвы, либо – ленятся, либо это личная инициатива Лисянина.

– Я пришел предложить тебе уйти, – без всяких околичностей заявил вождь. – Забирай своих – и убирайся.

Предложение слишком шикарное, чтобы в него поверить. Но Духарев сделал вид, что принял его за чистую монету.

– Нам нужны лошади, – сказал он. – Самое меньшее – голов двадцать.

– Зачем?

– В сани запрячь.

– Десять, – возразил Лисянин. – Пяти саней вам хватит.

– Хорошо, – не стал спорить Духарев. – Пусть будет десять. Когда?

– Завтра утром.

– А почему не сейчас?

– Завтра! – отрезал вождь. – Ты согласен?

– Да.

И Лисянин ушел.

Клятвы о том, что уличи не причинят им вреда, Духарев требовать не стал. Выбора у него всё равно не было. Утопающий хватается за соломинку...

Соломинка не спасла. Сволочь Лисянин обманул. Надеялся, что его враги утратят бдительность.

Тоже ошибся. Духарев доверял ему не больше, чем подкольной змеюке. Тем более, с вечера в лесу слишком бодро тюкали топоры. Слишком долго и часто для простой заготовки топлива.

Уличи напали под утро. Когда звезды только-только начали гаснуть.

Как и раньше, навалились всей массой. Только вместо щитов волокли с собой заостренные древесные стволы. Решили, значит, тараном строй разбивать. Как крепостные ворота.

Поредевшее воиство Сергея окружило сани. Не строй, а чахлая цепочка.

Рука Духарева, потянувшаяся к колчану, случайно наткнулась на рог.

Повинуясь наитию, он поднес его к губам.

Протяжный, чуть гнусавый звук поплыл над просыпающимся лесом. Такой слышен за несколько километров. Вот только слушать – некому.

Затея с бревнами не удалась. Первый же залп вывел из строя достаточно «несунов», чтобы «тараны» попадали. Впрочем, и смысла в них уже не было. Вместо монолитного щитового строя улицам противостояла разрозненная цепь безмерно уставших, не верящих в победу воинов. Но всё же – воинов. Так что биться они будут до конца.

Луки вернулись в налучи. Пришло время мечей. Небо над лесом посветлело.

Духарев и еще трое дружинников, получивших ранения в ноги, устроились с луками на санях. Раненых закрыли щитами. Не зря. Уличи вспомнили, что у них тоже есть луки. Правда, стреляли редко и аккуратно. Опасались попасть в своих. Но всё равно попадали. Духарев слышал, как поют вражеские стрелы. Пару раз ему даже вlepили в грудь, но он даже не пошатнулся. Двойной панцирь из охотничьего лука охотничьим наконечником не пробить. Сергей работал как машина. Наложил стрелу, выстрелил, наложил стрелу... Бил туда, где уличи наседали активнее.

В победу он не верил. Спасти могло только чудо. Губы непроизвольно бормотали молитву... А руки рывком натягивали лук, в треть силы, до носа, и посылали очередную смерть.

Цепочка гридней редела. Их осталось дюжины полторы. И на каждого наседали по три-четыре врага. Если бы не трупы под ногами, последним защитникам пришлось бы еще труднее...

Лохматый смерд с топором в лапе, рыча, полез на сани. Духарев пнул его ногой в лоб.

«Ну вот и всё!»

В колчане осталась последняя стрела. Она досталась какому-то мужику, мгновение назад воткнувшему рогатину в бок дружинника.

Сергей обнажил клинки и спрыгнул вниз. Едва не поскользнулся на мягком – на мертвеца угодил, – но удержал равновесие. И успел отвести удар вил. Ну надо же, вилы! Чертовски обидно будет погибнуть не от благородного меча, а от сельскохозяйственного орудия.

Владелец вил завопил от боли и ужаса, оставшись без руки. Топор на длинной рукояти, типичный инструмент лесоруба, свистнул, целя в бок... Мощный удар. Но Сергей не дерево. Шажок в сторону, дровосека занесло, чуток развернуло... И укол в шею довершил дело. Брызнувшая кровь оросила лицо еще одного смерда. Тот заорал, зажмурился. И завопил уже совсем по-другому, когда сабля Сергея выпустила ему кишки.

И тут, когда всем уже было ясно: конец, – вдруг, перекрывая лязг и дикие вопли раненых и бьющихся, над поляной мощно, разъяренным туром, зарычал боевой рог.

«Не верю», – подумал Духарев.

Но рог взревел еще раз...

Битва не остановилась. Уличи продолжали наседать. Смерды, они не умели вычленять из шума нужные звуки. А вот Духарев – умел. И отчетливо слышал характерный, глухой и тяжкий топот наступающей конницы.

– Помощь идет! – заревел он во всю мочь. – Держись, гридь!

И заработал железом с удвоенной силой, не жалея себя, не экономя, потому что появилась надежда...

Минута – и с высоты своего почти двухметрового роста он увидел, как заволновалась и потекла плотная толпа улличей. И еще он увидел, как четкий клин бронной конницы врезался в эту толпу, рубя, топча, калеча...

Осадившие жалкую кучку дружинников смерды ослабили натиск, завертели головами, пытаясь понять, что происходит... Но не успели. Конские оскаленные морды повисли над головами самых ярых, замелькали клинки. Секунда – и всё.

– Батька! Живой!

Духарев не сразу узнал Артёма. В бороде. Но – узнал. Засмеялся счастливо.
– Живой! Гони их, Артёмка! И попробуй главных живьем взять! Главарей, волохов!
Князь уличский не стал тратить время зря. Тотчас засвистел пронзительно. Всадники развернулись в линию, погнались бегущих смердов, настигая, секли по беззащитным затылкам...
– Важных – живьем!!! – услышал Духарев и привалился спиной к саням.
Чудо свершилось.

Глава седьмая. Артём Сергеевич, князь уличский

Артёму удалось взять двоих вождей: Каласа и Щитобоя. Первый был ранен, второй просто не вовремя проявил мужество – дрался до последнего. Лисянин, пес медвежий, сумел удрать. Его не преследовали. У Артёма было не так уж много людей, одна большая сотня: он ведь отца выехал встречать, а не спасать. Взяли трех жрецов, подстреленных во время пляски, и еще одного, зазевавшегося.

Сотни две обычных смердов, захваченных в плен, прибирали тела, сбрасывали в здоровенную яму, вырытую в мерзлой земле. Их трудолюбие подбадривали вопли допрашиваемых специалистами вождей и жрецов.

Кое-что уже удалось выяснить. Сказанное взятым во время вылазки пленником подтвердилось. Никто извне смердов на княжью власть не поднимал. Сами взбунтовались. То есть не совсем сами, а стимулируемые амбициозными вождями и жреческой верхушкой. Старшие, еще помнившие, как князь-воевода Свенельд наводил порядок на отбитой у угров территории, пытались отговорить. Без толку.

«Свенельда над нами уже нет, а нового князя мы и в глаза не видели!» – отвечали смутьяны.

Спрашивается, зачем дань платить при таком раскладе?

Боялись Киева. О новом великом князе говорили: нравом крут. Но тут прошел слух, что Владимир уехал на полюдье. Не к ним. Значит, платить ничего не придется. Разве что богам занести – за незримую помощь. И тут, откуда ни возьмись – Духарев со своей гридью. Вопрос: с какой целью появился на уличских землях большой воинский отряд? Ответ – за данью.

Так сказали жрецы, и никто не усомнился.

Жрецы, жрецы... Среди смердов их авторитет был непререкаем. За ними боги, как никак. Так что рулили они простонародьем, как хотели. Вернее, хотели бы – единолично. А тут, понимаешь, какие-то князья, оброк, полюдье... Изъятие имущества, которое по праву должно было достаться им, жрецам.

Меж собой, правда, представители многочисленных культов тоже грызлись, но – умеренно. За века совместного существования территории влияния более-менее распределились. Каждый бог ведал своей частью жизни. А если сферы влияния пересекались, значит, подарки надо было делать всем кумирам сразу. Причем норовили не только имуществом брать, но и жизнями. Кумиры, они кровушку любят. Правда, человечинка им доставалась нечасто. Обычно – всякой домашней живностью... Которую потом можно и скушать. Бог – он ведь и запахом сыт будет. Зачем ему мясо?

Нельзя сказать, что эти религиозные паразиты ничего не могли. Еще как могли! Вот, например, берсерочью роту организовать. Или массовый падеж скота устроить. Или наоборот – вылечить захворавшую скотину. Стрелы заговорить могли, чтоб промаха не давали. Амулет зачаровать – от всякой лесной нечисти. Хотя в основном специализировались по части гадов.

Из всех служителей языческих культов Духарев готов был терпеть только жрецов Волоха. Эти конкретную пользу приносили. Людей и скотину врачевали просто замечательно. Учитывая, что другой медицины у смердов не было, очень нужные люди. Другие... Среди других, впрочем, тоже встречались серьезные экземпляры. Силушкой природной владели, руды подземные чуяли, от беды могли предостеречь... Но большинство нагло использовало положение, для того чтобы властвовать и получать материальные блага. До христианских подвижников им было ой как далеко. Впрочем, и боги у них были соответствующие.

Допрошенные порознь и с пристрастием, и жрецы и бывшие военные вожди выдали практически одну и ту же версию. За честность им был сделан царский подарок. Быстрая смерть.

С их подельниками еще предстояло разобраться.

Отоспавшийся Духарев подошел к шатру сына.

Князь-воевода уличский брился. Пользуясь плоскостью клинка вместо зеркала и кинжалом вместо бритвы, изничтожал бороду.

– Зачем ты вообще ее отпустил? – поинтересовался Духарев.

Артём приостановил бритье, поглядел на отца.

– У этих, – сказал он, показав кинжалом в сторону прибиравших поле боя смердов, – мужчина без бороды – юнец. Думал – уважать больше будут. – И, будто извиняясь: – Я ведь по-хорошему хотел, по-доброму. Мне и печенежской крови хватает. Теперь – всё. Не хотели любить – будут бояться! Мамки будут именем моим детей страшать! За любую провинность – смерть! Вот с этих, – кинжал снова указал на смердов-мортусов, – и начну!

– Убьешь их? – с неодобрением спросил Духарев.

– Убью.

– А если бы не на меня с матерью твоей напали, а на купцов обычных – пощадил бы?

– Может, и пощадил. Спустил бы шкуру со спины – и отпустил. Но теперь – нет. И ты не спорь, батя! Если бы обо мне, о семье моей речь шла – ты бы иначе поступил?

Духарев задумался, прислушался к себе... И покачал головой.

– Но всё же не по-христиански это, – сказал он. – Ты, может, виру с них возьми, а?

Артём засмеялся:

– А виру взять – это по-христиански, да? И откуда у них такие деньги? Сорок гривен серебром – за каждого убитого! Нет, батя, эти заплатят жизнью. А виру я возьму с других.

– Ты князь, – кивнул Духарев. – Тебе решать. И спасибо тебе!

– За что же? – удивился Артём.

– Жизни наши спас.

– Разве ж за это благодарят? – Артём, похоже, удивился. – Это долг мой. И княжий, и сыновний. И то опоздал. Воев твоих славных, считай, всех побили. Хорошо хоть тебя с матушкой уберег – рог твой вовремя услышал, слава Богу! Мы же совсем рядом ночевали, стрелищах в пяти.

– Слава, – согласился Духарев и встал, чтобы поглядеть: как там раненые?

– Как дела закончим, – крикнул ему вслед князь-воевода, – так и поедем. Только поедим сначала. Мои вон уже кашеварят.

На ногах осталось всего двое гридней: Развай и Карн. Оба – варяги. Не сказать что невредимые, но раны – пустяковые. Примерно как у Сергея. Раненых было – тридцать три. В том числе – Мелентий, получивший глубокий порез икры и дырку в левом предплечье. Ромей оказался отличным воином.

Слада завершила, что раны Мелентия чистые и не опасные. Жить будет и, глядишь, дня через четыре и вовсе на ноги встанет. А вот шестеро из остальных тридцати двух вряд ли дотянут до следующего дня.

Вот ведь какая беда. Поехал, понимаешь, сына навестить...

– Ты уж прости меня, Мелентий, что в это дело тебя втянул, – повинился Духарев. – Не думал я, что беспокойно здесь.

– Всё в руках Божьих, – философски заметил ромей. Подумал немного и добавил: – А подарок твой – пропал.

– Нашел о чем печалиться, – Духарев улыбнулся. – Я тебе другую шубу подарю. Было б кому дарить!

И присел рядом с другим раненым – поддержать и утешить.

* * *

Улич – небольшой городок. Но крепкий и ухоженный. То же можно было сказать о княжьем тереме.

Доброслава, внучка князь-воеводы Свенельда, встречала родителей мужа со всем почтением: свежеиспеченным караваем и низким-низким поклоном.

Она уже собралась произнести и речи подобающие, но тут увидела, как во двор въезжают сани с ранеными, и лицо ее враз изменилось. Сунув каравай одной из девок, тут же принялась командовать. Засуетилась набежавшая дворня, забегали по терему холопы, освобождая и готовя лучшие комнаты для раненых...

Артём улыбнулся супруге, коснулся ее губ и поманил отца за собой.

Доброслава задержалась на мгновение, чтоб поцеловать руку тестю, и сбежала вниз, во двор. Распоряжаться. Сладислава осталась с ранеными.

– Сегодня я твой, батя, – сказал Артём, усаживаясь на лавку, оставив для отца высокое княжье кресло. Сергей не воспользовался им – тоже сел на лавку, рядом с сыном.

– А почему – сегодня?

– Завтра поеду суд вершить. Сам понимаешь: откладывать нельзя. Разбегутся, попрячутся.

– Смердов береги, – попросил Духарев. – Им тебе дань платить. Да и милосердие...

– Зря резать не буду, – твердо пообещал Артём. – Но язвы языческие выжгу. Твоя доля – четвертая. Считаю это вирой за то, что не уследил за порядком.

– Какая доля? – удивился Духарев.

Артём усмехнулся. Жестко, даже страшно.

– С тех богатств, что эти беслюбцы с *моей* земли насобирали.

– Волоха жрецов не трогай! – строго произнес Духарев.

Они встретились взглядами... Сын уступил.

– Не трону, – пообещал он. – Скажи-ка мне, батя, что за ромей с тобой приехал?..

Глава восьмая, в которой великий князь Владимир сменяет гнев на еще больший гнев и пытается узнать, какая вера – правильная

Великий князь киевский был в ярости.

– Твой сын! – прошипел он. – На моей земле!..

– Во-первых, он не только мой сын, но и твой князь-воевода, – спокойно произнес Духарев. – Во-вторых, земля эта ему не от тебя, а в приданое досталась, а в-третьих, те, кто успел донести до тебя эту замечательную весть, верно, забыли упомянуть о том, почему так случилось.

В бешеном взгляде Владимира Святославовича молний поубавилось. Так и есть, «забыли».

– Коли так, позволь я расскажу тебе...

И рассказал. Всё в подробностях. Не приукрашивая, но и не приуменьшая.

– Вот этот значок, – Духарев коснулся розового шрама на скуле, – оттуда.

Владимир ни на мгновение не усомнился в правдивости рассказа. Ярость его не уменьшилась. Но обратилась совсем в другом направлении.

Суть его сводилась к фразе: «Всех виновных – на кол!»

Действительно обидно, когда какие-то *цужие* уличские смерды нападают на *твоего* воеводу.

Духарев глянул мельком на неизменно присутствующего на их встречах Габдуллу. Обычно невозмутимый шемаханец ухмылялся.

Интересно, чему он радуется?

Когда Владимир сбросил пар, Духарев решил сменить тему:

– Что случилось, того уж не изменить, княже, – сказал он. – Хочу напомнить тебе о ромейском после. Правда, он еще не оправился от ран, но, думаю, всё равно охотно с тобой встретится.

– Он ранен? – нахмурился Владимир. – Кто посмел?

– Это я виноват, – признался Духарев. – Пригласил его с собой в Улич. Поохотиться. Кстати, ромей показал себя неплохим воином...

Великий князь выдохнул сквозь стиснутые зубы... Но совладал с собой. И даже Сергея не упрекнул, что рисковал жизнью посла. Кто ж знал?

– Я пошлю за ним, – сказал он. – Хочу, чтобы ты тоже был.

– Буду, – заверил Духарев.

– И за сыном твоим, князем, тоже пошлю, – добавил Владимир. – Хочу послушать, как он бунтовщиков умирал. Надеюсь, он проучил их как следует.

– Я просил его быть помягче, – кратко произнес Духарев. – Смерды – они же овцы. Если овца заблудилась, виноват пастух.

– Христиане... – проворчал Владимир. – Эта ваша мягкость до добра не доводит.

– Ислам, – вдруг подал голос Габдулла. – Говорил я тебе, мой господин. Только ислам – истинная вера. Нет Бога, кроме Аллаха! Ислам – вера настоящего воина! Только погибший в бою попадает на небо!

– Ха! – воскликнул Владимир. – Эка невидаль! И у нурманов так, и у нас, варягов! Чтоб ради этого я отказался от питья и вепрятины!

Духареву показалось, что это уже далеко не первый спор князя с телохранителем.

– Истинный Бог... – начал шемаханец.

– Выйди, Габдулла! – резко приказал Владимир. – Я со своим воеводой один на один поговорить хочу!

Шемаханец молча поклонился и покинул комнату. Однако он всё еще улыбался... Нет, очень, очень интересно, что так порадовало бохмичи.

– Ты мудрый человек, воевода, – задумчиво произнес Владимир, когда телохранитель вышел. – Хочу поговорить с тобой о сокровенном. – Он поднялся, прошелся от одного окна горницы до другого, остановился напротив Сергея, достаточно далеко, чтобы не задирать голову:

– Хотел я собрать вместе всех родовых богов земли моей, – сказал он. – И поставить над всеми Перуна. Чтоб и среди богов было – как среди людей. Я – наверху, остальные – подо мной. Согласно заслугам их. Вижу, что не получается. Восстают на меня и люди, и боги. Нет, я смердых богов не боюсь! – тут же уточнил князь. – Но покорности нет. И не будет. Верно, воевода?

– Не будет, – согласился Духарев. – Потому что не боги это, а так... Мы их бесами называем. Бог же – один.

– Расскажи мне, боярин, о своем Христе, – попросил (именно попросил, а не велел) Владимир. – Расскажи о его законе, о том, чем он лучше моего Перуна, хузарского Ягве или Аллы бохмичей?

– Не меня об этом надо спрашивать, княже, – покачал головой Сергей. – Я о таких вещах говорить не умею. Об этом лучше с законоучителями толковать. Или с отшельниками, что в береговых пещерах живут. Они к Богу ближе.

– Зато ты – мой ближник, – возразил Владимир. – Вдобавок – ведун. Ходишь за Кромку, а говоришь, что – не знаешь. Или врут мне жрецы, и нет за Кромкой никаких богов?

– Моего Бога там нет, – твердо произнес Сергей. – Во всяком случае, Его там не больше, чем здесь. Там, за Кромкой, – другой мир, вот и все. А Бог... Я думаю, и хузары, и магометяне-бохмичи, и мы, христиане, верим в одного Бога. Только молимся по-разному.

– Вот это я и хочу знать: кто из вас молится правильно? Чей закон лучше? Чей бог сильнее? Может, все-таки – Перун?

– О Перуне тебе лучше знать, княже, – заметил Сергей. – Ты – его верховный жрец.

– О Перуне я знаю. Знаю, когда он со мной: и в битве, и в танце священном, и даже, – Владимир усмехнулся, – когда женщину беру. Перун входит в сердце мое, в рамена, в чресла... Пока я не был стольным князем, пока был простым вождем: ходил в вики, убивал врагов, брал добычу и женщин, радуясь нынешнему дню и не думая о завтрашнем, – мне было довольно моего бога. Но сейчас я – великий князь. У меня есть и богатство, и сила, и женщины. Раньше за такой вот камень, – Владимир погладил украшавший оголовье кинжала рубин в обрамлении плоских, грубо обработанных алмазов, – я готов был пройти тридцать поприщ и убить столько врагов, сколько понадобится. Теперь мне надо заботиться о том, чтобы кто-то другой не пришел, не убил моих людей и не отнял то, что у меня есть. Закон Перунов прост: приноси жертву, не брей усов... Но главный – убивай врагов. Мой отец славно послужил Перуну, но печенегги убили его. Убили на острове Хорса. Может, мой отец чем-то прогневал Солнцебога? Или на земле Хорса Перун слаб? Мне с детства говорили: у каждого бога своя земля. Я собрал богов всех своих земель и поставил Перуна выше всех: пусть правит богами полян и древлян, кривичей и вятичей. Я хочу, чтобы Перун не только давал мне силу убивать врагов. Я думаю о том, как сохранить мою землю. И когда я об этом думаю, Перуна со мной нет.

Честно говоря, удивил он Сергея. Мудростью неожиданной удивил.

– Я, княже, во Христа верую, – сказал Духарев. – А как верить лучше или хуже – не моего ума дело. Это сердцем чувю.

– А я вот не чувю, – пожаловался великий князь. – То есть чувю, что не так что-то, а как надо – не вижу. И не о себе одном думаю – о земле моей обширной. Ошибусь – потеряю

ее. Останусь без отчины, как хузары. Вот скажи: не защитил хузар их Бог, значит, вера их – неправильная, так?

– Есть у меня друг, – сказал Духарев. – Машег. Да ты его знаешь.

– Знаю, – кивнул Владимир. – Добрый воин. И дети его – такие же.

– Кабы верил хакан хузарский воинам своим – и поныне стояла бы Хузария. А хакан Йосып – не верил. Боялся, что сочтут его недостойным и другой станет хаканом.

Владимир хмыкнул:

– Ну это не обо мне, – произнес он уверенно. – Великий князь – я. Князем и останусь, пока жив. И умру им, если нужда будет.

– Вот-вот, – кивнул Духарев. – А Йосып своих боялся, верных – казнил, слабых, но льстивых – одарял. И за золото нанял себе храбрых и доблестных воинов-бохмичи, чтоб дрались за него.

– Не такие уж они и доблестные, раз отец мой их побил, – возразил Владимир.

– Не о том речь, – сказал Сергей. – А о том, что чужие не станут защищать твою землю так, как свои. Ты ведь и сам это делаешь, княже, когда нурманов и других северных ярлов на свою землю сажаешь. И великий князь Святослав так делал. Были чужие – стали свои. Можно воинов за деньги нанимать. Худого в этом нет. Но своих всегда должно быть больше. А от нанятых избавляться следует, едва нужда в них пропадет. Так же, как и ты это сделал.

Владимир наклонил голову, чтобы спрятать улыбку. Похвала воеводы была ему приятна.

– Иначе, – продолжал Духарев, – придет время, когда наемники, тобой прикормленные, перестанут довольствоваться жалованьем или данью и захотят взять всё.

– И правильно! – одобрил великий князь. – Если у них – сила, почему бы и не взять?

– Именно. Так что не в хузарской вере дело, а в ее правителях. Они сделали Хузарский Хаканат слабым. Не приди Святослав, Итиль все равно пал бы. Достался тем бохмичи, что его защищали. Да он и так им достанется, раз мы его не удержали.

– Выходит, вера бохмичи – правильная? – прищурился Владимир.

– Наверное, – пожал плечами Духарев. – Я – не бохмичи.

– Но ты смотри: Хузария правила Булгаром. И нет Хузарии. А Булгар принял веру моего Габдуллы – и теперь Булгар зовут Великим. Значит, хорошая это вера?

– Рассказывал мне мой учитель Рёрах такую историю... – Духарев утомился стоять и опустился на лавку. Оставшийся на ногах Владимир на этокое неуважение внимания не обратил. – Ходили они со старшим братом твоего отца Хельгу Тмуроканским по Хвалынскому морю на Шемаху. И был у них ряд с хаканом хузарским, что, когда обратно пойдут, тот им за долю малую позволит на своей земле лагерем стать, едой обеспечит да и передохнуть даст немного после трудного пути. Обещал – и обманул. Встали русы на берегу, а ночью напали на них наемники хакана, бохмичи... Еле отбились. Потеряли многих. Сам Хельгу, хакан тмуроканский, тогда погиб. Был бы дед твой Игорь похож на твоего отца, отмстил бы хузарам. Но Игорь не рискнул. Согласился на виру и на то, что не хакан, мол, велел русов бить, а сами его бохмичи решили отомстить за убитых в Шемахе единоверцев.

– Хочешь сказать, что все бохмичи теперь – мои кровники?

– Нет. Хочу только напомнить, что для бохмичи все люди другой веры – враги. И если бохмичи дает клятву человеку другой веры, то это лживая клятва.

– Ну нет! – воскликнул Владимир. – Вот мой Габдулла поклялся – и верен!

– Так он же не только тебе клятву давал, – напомнил Сергей. – Рядом жрец бохмичи стоял. Всё слышал. И стал свидетелем клятвы пред Богом. Нет, княже, я так не могу. Мое слово – крепкое. Кому бы я его не дал. И твое – тоже.

– Да, – подтвердил Владимир. – Так и есть. И еще я вепрядину люблю! Таковую, чтоб жир горячий с нее капал! И не пить я не могу! Это как же: будет дружина братину поднимать, а батька их – морду воротить? Да и не хочу я от пива да вина отказываться! Весело мне от них!

– Это, княже, ты сейчас как человек рассуждаешь, а не как владыка, – возразил Духарев. Князь нахмурился:

– Ну и как же, по-твоему, должен владыка рассуждать?

– А вспомни, что я тебе сказал: для бохмичи все, кто другой веры, – враги. Значит, и ромеи – враги, и ляхи, и угры, и германцы... Все, кто вокруг, – потому что бохмичи нынче только в Великом Булгаре живут. Но до Булгара – далеко, и он нам – не помощник. Значит, примешь веру своего Габдуллы – и придется тебе со всем миром воевать. Как их пророк Бохмичи-Магомет и заповедовал. Хорошо ли это?

Владимир задумался... Но отвечать не стал. Уклонился.

– Много ты мне всего наговорил, воевода, – резюмировал он. – Ты мудр, но я – князь. Своим умом думать должен. Вот и подумаю. Ступай. Спасибо тебе!

Духарев поклонился и вышел. По ту сторону дверей – Габдулла. И опять – с улыбочкой. Сергей резко остановился.

– Веселишься, холоп? – бросил он резко. – С чего бы?

Габдулла не оскорбился и не обиделся.

– Я знал, что господин мой сына твоего, Артёма-князя, в Киев позовет! – Шемаханец осклабился еще шире.

– А тебе что с того?

– Говорят, он недурно с оружием управляется? Получше, чем твой младший?

– Может, и так, – проворчал Духарев.

– А я бы проверил! – заявил Габдулла. – Как думаешь: не откажет?

– Вот у него и спроси! – буркнул Сергей, отодвинул шемаханца в сторону и зашагал к лестнице.

Вслед ему донесся смех бохмичи.

Вот же гад! И всё-таки почему он так похож на покойного Ярополка?

Глава девятая. Великий князь и посол византийского Василевса

На сей раз великий князь принимал византийского посла без лишней помпы.

Он сам, Добрыня, воевода Путята, ярл Сигурд, воевода Претич и, естественно, Сергей Иванович Духарев, более известный как боярин-воевода Серегей. В качестве гостя присутствовал князь черниговский, носивший пушкинское имя Фарлаф. Так повелось, что формально Чернигов признавал главенство Киева, а Фарлаф был правнуком одного их сподвижников Рюрика¹⁷. Лет на двадцать постарше Владимира, Фарлаф внешне от него изрядно отличался. Ростом повыше, намного толще, рожей пошире и вдобавок – обладатель могучей полуседой бородачи, отпущенной на полянский манер.

Мандатор Мелентий вошел, опираясь на плечо ромейского старшины. Он заметно прихрамывал, но выглядел бодро. На пол укладываться не стал.

– Божественный Автократор римский Василий Второй... – энергично зачастил он, – ... предлагает тебе, хакан русов, великий князь киевский Владимир, согласно договору, заключенному твоим отцом, хаканом Святославом и василевсом Иоанном Цимисхием выполнить свой союзнический долг и оказать ему помощь в борьбе с мятежным Вардой Фокой, за что готов заплатить тебе пятнадцать кентинариев¹⁸. За эту плату Август и император рассчитывает получить от тебя не менее пяти тысяч отборных воинов!

Всё. Изложил. Выдохнул.

Воеводы переглянулись. Плата была более чем щедрая. Судя по физиономиям матерых воjak, предложение пришлось по вкусу.

– Нет, – сухо произнес Владимир.

– Нет? Почему? – Мелентий искренне изумился. Он-то рассчитывал, что без малого полтонны золота сразят варвара наповал.

– Я не торгую кровью своих дружинников, – холодно произнес Владимир. – А договор, что был заключен моим отцом, закончился с его смертью.

– Но...

Владимир глянул строго – и Мелентий заткнулся.

– Я никогда не был на вашей земле, – произнес Владимир, – и совсем мало знаю о ваших обычаях. Скажи мне, есть ли у вашего императора братья, сестры?

– Брат его Константин, соправитель и...

– А сестры? – перебил Владимир. – Есть?

– Анна... – пробормотал Мелентий, не понимая, к чему клонит великий князь. – Анна Багрянородная.

– Это хорошо, – кивнул Владимир. – Я никогда не стал бы продавать своих воинов за золото. Однако я мог бы прийти на помощь другу и родичу. Поэтому если твой господин действительно нуждается в друге, то, думаю, он согласится отдать за меня кесаревну Анну. Если он согласен, я приду. И приведу с собой шесть тысяч воинов.

«Опаньки! – подумал Духарев. – Вот это ход!» Потребовать в жены сестру ромейских императоров! Ту самую Анну, порфиrogenиту¹⁹, которую в свое время Никифор Фока отка-

¹⁷ Имя и родство – вымысел автора. Остальное – более чем вероятно.

¹⁸ В одном кентинарии примерно тридцать кило золота.

¹⁹ Порфиrogenита, то есть рожденная в Порфире, особом покое императорского дворца, где появлялись на свет лишь дети действующего императора. Порфиородные представители династии (порфиrogenиты) считались особыми существами, связанными духовными узами с судьбой Византии.

зался отдать за императора Оттона. Император Священной Римской империи получил вместо нее принцессу Феофано, всего лишь племянницу Иоанна Цимисхия, еще одного узурпатора. И Оттон был вполне удовлетворен результатом. И это – христианский император. А тут какой-то архонт варваров, язычник, дикарь...

У Мелентия язык прилип к гортани.

Порфирородная принцесса! Никогда такого не было! Еще Константин Великий писал (и слова эти начертаны на престоле храма Святой Софии), что никогда василевс ромеев не породнится через брак с народом, чуждым ромейскому устройению и обычаям. То же, спустя полтысячелетия, писал и другой император, Константин Багрянородный, в своем трактате «Об управлении империей», уподобляя подобный брак чуть ли не браку с животным и призывая на нарушителя анафему и прочие кары.

Мелентий даже дышать перестал.

– ... Что же до золота, – продолжал Владимир, будто и не замечая, что посол – в ступоре, – то и золото нам пригодится.

– Но, великий... – наконец нашел в себе силы пробулькать мандатор. – Никак невозможно это... Ты ведь даже не христианской веры...

– Я – сын своего отца! – гордо заявил Владимир. – Я не знаю такого слова: невозможно! Ступай. Ответные дары тебе принесут позже. И позаботься о том, чтобы весной в днепровском устье нас ждали корабли, которые доставят нас в Константинополь.

Мелентий повернулся и вышел. Он не был уполномочен торговаться или спорить. Но вид у него был – пришибленный. Кто знает, как отреагирует Василий на предложение Владимира. То есть, как отреагирует – понятно. Но как это скажется на судьбе посла? Вполне могут и голову открутить.

Духарев улыбался в усы. Нет, какой молодец Владимир! Каждое слово – в строку! Истинный князь! В сравнении с его требованием любое другое теперь казалось сущей ерундой.

Но не все разделяли восхищение Сергея. Едва ромеи ушли, воеводы загомонили. Суть их ворчания сводилась к тому, чтобы требовать больше денег. А тут – еще одна баба в княжеский гарем. Кому это надо?

Владимир поднял руку с коротким жезлом – атрибутом княжеской власти, и гомон стих.

– Воевода Серегей, объясни им.

Духарев встал.

– У василевса ромейского сейчас очень трудное положение, – сказал он. – Из Болгарии, куда он лично ходил воевать, его вышибли. На востоке империи – неспокойно. Варда Фока силен, и к нему постоянно присоединяются новые союзники. А основа его войска – иберийцы²⁰ и армяне, которые уже давно считаются лучшими воинами империи. Василий сидит в Константинополе и не рискует дать мятежнику бой. Так что с каждым месяцем его положение ухудшается. А следовательно, он все острее нуждается в помощи. Так что весной мы будем нужны ему больше, чем сейчас. Да мы из него веревки вить будем!

Воеводы радостно оживились. Перспектива вить веревки из византийского василевса им понравилась.

Но первая радость схлынула, и князь Фарлаф спросил:

– А если этот Фока доберется до василевса раньше?

– Я так не думаю, – покачал головой Духарев. – Пока что большая часть страны – за Василием. Да и стены его столицы тоже не из глины.

– А если Василий побьет мятежников сам?

²⁰ Грузины.

– Для этого ему надо найти подходящего военачальника. Такого, которому он доверял бы и который был бы воином, а не царедворцем. Он уже послал одного – и тот перешел на сторону мятежников. Нет, без нас он боя Варде Фоке не даст.

– А почему ты думаешь, что шесть тысяч дружинников помогут Василию победить? – подал голос Путята. – Я слышал: у ромеев счет воев идет на десятки тысяч.

– Ты слышал, а я – видел, – надменно произнес Духарев. Путяту он недолюбливал. – Видел и бил. Вместе со Святославом. Спору нет: ромейская конница очень сильна. Но сколько ее? И на чьей она стороне? А на стороне мятежников по большей части – ополчение.

Тут он немного приврал. Были у Варды Фоки и опытные ветеранские части, а уж те, что вернулись со Склиром из Багдада, и вовсе битые волчары. Но еще Духарев слышал, что у Склира с Фокой – не всё гладко. Есть между союзниками некоторые трения. И за пару-тройку месяцев они, скорее всего, усилятся.

Но Путята не унимался.

– Василий кинет нас в самую кровавую сечу! – заявил он. – Мы все погибнем, и некому будет получать золото!

– А тебя никто и не зовет! – насмешливо произнес другой воевода, Претич. – Струсил – сиди дома на печке!

– Да я... – Путята вскочил.

– Сядь, воевода! – пробасил Добрыня. – И помолчи, коли ничего путного сказать не можешь. Великий князь сказал свое слово – не тебе ему перечить. Пусть говорит тот, кому есть что сказать дельного.

– Я бы пошел, – заявил Сигурд. – Мне нравится.

– И мне любо! – поддержал Претич и покосился на черниговского князя, которому служил до того, как перейти к Владимиру.

– Сам не пойду, – покачал головой Фарлаф. – Не люблю морем плыть. Но воев бы дал. Пять сотен.

Путята пробубнил что-то себе под нос, но тихонько. Добрыня сказал: помалкивай, значит, молчим. За княжьим воем Путята ходил, как нитка за иголкой. Истоиво и преданно. Обоих это устраивало.

– Ну раз договорили, то пора и усы медом смочить, – завершил Добрыня, и военный штаб киевского князя отправился пировать.

– Ты это ловко пошутил с порфирородной принцессой, – похвалил великого князя Сергей. – Теперь любое твое требование малым покажется.

– Пошутил? – Владимир удивленно поглядел на своего воеводу. – А с чего ты взял, что я – пошутил?

Глава десятая, в которой воеводе Серегею предлагают сплавать в далекие края

Артём приехал в Киев через неделю. С полусотней гридней. Остальная его дружина продолжала «воспитательную работу» среди уличей.

– Хорошо потрудились? – спросил Духарев сына за обедом.

Артём улыбнулся:

– Недурно. Прибрался как следует. Оставил, только чтоб до весны дотянуть да поля засеять. Кормильцев мы с тобой проредили. Теперь смердам не до бунтов. А капища языческие вымел начисто. Вот уж кто зажирел так зажирел.

– Может, не стоило богов обижать? – деликатно вмешался Артак. – Боги – они обидчивые.

Они с Рёрехом традиционно присутствовали на семейном обеде.

– Не боги это – идолы! – тут же вмешалась Сладислава.

Рёрех заперхал. Это он так смеялся.

Потом изрек:

– Смердых богов бояться нечего. Их вон даже сами смерды палками бьют, если не угодят. Скажи лучше, много ль взял?

– Золота почти пуд, серебра – за две сотни гривен. Остального и не считал. А жадные они, эти жрецы! Иному и пятки припечешь, и шкуру на ленты распустишь – молчит, как идолище его. Но я для таких дел четверых нурманов взял. Эти...

– Нашел о чем за столом говорить! – сердито оборвала его мать. – Лучше о внуках расскажи!

– А что – внуки? – пожал плечами Артём. – Малы еще, а за тот месяц, что ты их не видела, не особо и подросли.

– А здоровы ли?

– Уезжал – были здоровы. А коли так печешься, приезжай. Княгиня моя тебе рада будет.

– Так уж и рада? – усомнилась Сладислава. – Две хозяйки на одном подворье...

– Почему ж две? Она хозяйка, а ты – гостья дорогая! Отдыхать будешь да нежиться. А то бегаешь тут целый день без роздыху!

– Мать дразнишь? – поинтересовалась Сладислава. – Это ты в Уличе своем – князь. А от меня живо ложкой схлопочешь!

Артём встал, обошел вокруг стола, обнял мать:

– Ох, матушка, матушка! Столько лет прошло, а ты – всё такая же!

Возвращаясь на свое место, сочно хлопнул по задку девку-прислужницу:

– Вина налей! – Снова встал: – За вас, батюшка и матушка! Живите вечно и горя не знайте!

– Артём, ты от взятого на улицах дольку князю отдай, – вполголоса сказал сыну Духарев. – Гривен десять. А то на тебя уже жаловаться приходили: мол, зоришь святыни языческие!

– И что Владимир?

– Я ему разъяснил, кто и что зорит, но подарок ему будет приятен. Не помешает. И еще одно у меня к тебе дело есть. Ты ведь с Вольгом, которого Варяжкой кличут, дружен был?

– Не без того, – кивнул Артём. – Было время, у меня сотником ходил. Пока Ярополк его к себе не приблизил.

– Не попробовал бы ты его уговорить обратно в Киев вернуться? Не дело это, когда сын Ольбарда белозёрского с печенегами по Дикому Полю шастает.

– Я, может, и попробовал бы, да что скажет Владимир?

– С Владимиром я решу.

– Вот это правильно! – одобрил прислушивавшийся к беседе Рёрах. – Я б и сам с Вольгом поговорил, да стар уже для дальнего пути. Но можешь передать ему, что я ему наказываю от копченых уйти. Я в роду годами старший, он повиноваться должен!

– Непременно скажу, дед. Что еще, бать?

– Еще? К ромеям с нами летом не хочешь сходить?

И вкратце пересказал будущие перспективы похода в Византию.

Артём выслушал внимательно, потом покачал головой:

– Не поеду, батя. Надо ведь и земли наши кому-то от копченых защищать. Сам знаешь: уйдет великий князь с дружиной – они и тут как тут. Пусть Славка идет. Он не откажется. Когда он, к слову, возвращается?

– До весны точно вернется.

– Вот и ладно, – кивнул Артём. Поднялся. – Спасибо, Господи, за трапезу сию! И вам, батюшка, матушка, спасибо! Пора мне к великому князю. Думаю, ему уже донесли, что я приехал.

– погоди! – сказал Духарев. – Я – с тобой. А гридней своих можешь тут оставить. У меня нынче места вдоволь. Развай мне новых ближников еще не набрал.

И помрачнел, вспомнив о потерях.

* * *

Детинец, как всегда, был полон народу. Мастера гоняли отроков и детских, выводили и заводили коней, таскали в терем всякую снедь, резали живность для вечерней трапезы...

Воеводу и его сына приветствовали радостно и с почтением.

А со старым другом Устахом, тренировавшим на «детском» углу подворья троих бело-волосых мальцов, одним из которых был старший сын Рогнеды и Владимира Изяслав, Сергей Иванович и вовсе обнялся.

Но дело не ждет.

– Сбегай к князю, – велел Духарев подвернувшемуся отроку. – Скажи: мы пришли.

Отрок умчался.

Однако первым появился не он, а Добрыня.

Обменялись приветствиями.

– Воевода, хотел бы с тобой кое о чем поговорить. Думаю, Владимир обойдется без тебя некоторое время. Пойдем!

Отказывать дядьке и правой руке великого князя Духарев не стал. Последовал за Добрыней в отведенные тому покои.

Артём остался ждать посыльного.

Однако шустрый отрок всё не возвращался, а вместо него появился средних лет воин с длинной, как у старца или волоха, бородой. Встал, подбоченился, клянул с вызовом:

– Ты – князь улицкий?

– Я. А кто ты? – Артём оглядел наглеца, пытаясь определить его статус. Роста среднего, плечист, на голове – немного странный для Киева высокий шлем с небольшим козырьком, бородачица. На тулове – отличная, явно восточной работы двойная кольчуга, поблескивающая маслом. На ногах – мягкие сапоги. На поясе длинный, тоже восточный, кинжал и длинная арабская сабля в недешевых ножнах. А вот пояс... Пояс самый обычный. Широкий, с серебряными бляшками.

А должен быть – золотой. С таким-то вооружением.

– Я – Габдулла из Шемахи, прозванный Безотчим.

Значит, чужак. Однако по-словенски говорит хоть и с акцентом, но свободно.

– Что тебе нужно? – сухо поинтересовался Артём.

– Говорят, ты хорош на мечях, князь уличский?

Еще один любитель проверить, кто сильнее?

– До сих пор никто не жаловался, – сдержанно ответил Артём. – Надо думать – не успевал. За спиной кто-то хохотнул. Понравилось. Ну да, пока разговаривали, вокруг собралось человек тридцать из киевских. Да еще десяток самого Артёма.

– Надеюсь, лучше, чем твой брат, – ухмыльнулся Габдулла. – Потому что его я побил легко.

Тут Артём понял, кто этот человек, и тоже показал зубы.

– Будь я на месте Богуслава, великому князю не пришлось бы утруждаться, – процедил он. – Зато воронам была бы радость.

Шемаханец должен был рассердиться, но вместо этого улыбнулся вполне добродушно... И Артём вздрогнул. Потому что это была улыбка князя Ярополка. И если убрать дурацкую бороду... Вылитый Ярополк Святославович! Вспомнилось, что и отец говорил что-то об удивительном сходстве...

– Мой клинок рад был бы попробовать твои слова на вкус, – сказал шемаханец, чуть выдвигая саблю из ножен.

– Он порадует, – пообещал Артём. Растерянность, вызванная удивительным сходством, прошла. – Позже. А сейчас, холоп, прочь с дороги! Великий князь ждет меня!

– Именно это я и хотел сказать. Следуй за мной, князь, – и, развернувшись, двинулся в терем.

* * *

– Вот, – Артём положил на ларь увесистый мешок. – Твое, княже.

– Что это?

– Серебро. Доля от того, что я взял на улицах.

– То твои смерды, мог бы со мной и не делиться, – заметил Владимир.

Артём улыбнулся.

– Смерды мои, а я – твой, – сказал он. – Не обессудь, что побил ваших жрецов. От них-то всё зло и шло. Хотели, как встарь, родами повелевать и подать с них брать, будто князья. «Нам, говорят, князья не надобны! Сами себя защитим!»

– Говорят? – нахмурился Владимир.

– Говорили, – ответил Артём. – С говорунами я потолковал. Теперь молчат.

– Добро. А сейчас расскажи мне, что ныне творится на Диком Поле? И чего нам ожидать летом?

– Почему ты спрашиваешь меня, княже? – поинтересовался Артём. – Есть другие. Вот черниговский князь...

– Их я тоже спрошу! – перебил Владимир. – Говори!

– Летом да к осени копченые полезут, как всегда. Более всего цапон опасаясь...

– А угры?

– Эти – нет! – уверенно ответил Артём.

– Почему так думаешь? Я б на месте их князя непременно напал. Ярополк – племянник ему. Был.

Артём покачал головой.

– Почему? Из-за договора с отцом моим?

– Великий князь Геза договором легко пренебречь может. Вот был у него с немцами договор, а он взял да и отхватил кусок Саксонии. А с нас ему и взять нечего. Разве что стрелу в грудь! – Артём добродушно улыбнулся.

– Откуда знаешь?

- Отец рассказал. Он знает.
- А я вот знаю, что и угры на твоих землях пошаливали, – заметил Владимир.
- Это не княжьи, – уверенно ответил Артём. – Так, разбойнички. Геза не сунется. Знает нашу силу.
- А если сила вдруг поубавится? – Владимир пристально поглядел на своего князя-данника.
- Ты о походе, что весной затеваешь? – И, заметив, что Владимир нахмурился: – Отец мне рассказал. Не тревожься, княже! Дальше меня не пойдет.
- Хочешь со мной пойти?
- Ты не возьмешь! – уверенно ответил Артём. – Я тебе здесь нужен...
- ...Хочу я тебя попросить, воевода, – сказал Добрыня. – Не как дядька великого князя – как друг. Мы ведь с тобой друзья, Сергеей?
- Пожалуй, – не сразу, но признал Духарев.
- Добрыня хитер, жесток, прагматичен. Но Сергею и его семье худого ни разу не сделал. Использовал в своих интересах? Да. Толкал на рискованные действия? Было не раз. Но даже во времена, когда Сергей и его сыновья были в прямой оппозиции Владимиру, даже тогда Добрыня не был врагом. И племянника своего, если надо, – придерживал. Учитывая крутой нрав Владимира – непростое был дело.
- Впрочем, и Владимир не забывал, что за ним – долг жизни. Терпел от Сергея и сыновей его то, за что других покарал бы.
- А раз друзья, то прошу тебя по-дружески: поезжай в Византию вместе с Владимиром. Знаю: ты немолод. Но тебе ведь не в бой ходить. Просто обереги князя нашего от ромейского коварства. Ты в их хитростях изошрен...
- Преувеличиваешь, Добрыня, – перебил Сергей. – Чтоб изошренным быть, надо ромеем родиться и при их императоре вырасти.
- ...В ромейских делах ты более всех разбираешься, – проигнорировал возражение дядя Владимира. – Опять же звание у тебя ромейское, и немалое. Уж не знаю, как ты сумел его добыть...
- Не я, – сказал Духарев. – Брат мой покойный Мышата. Но Добрыню с мысли не сбил.
- Что есть, то есть. Ты у ромеев – свой. Речью их владеешь, веры с ними одной. Друзей у тебя в Константинополе много и слуг верных.
- У меня во многих землях люди есть, – сказал Сергей. – Только это такие друзья, что верны тебе, пока выгода есть. А с великим князем сын мой пойдет, Богуслав. Он – муж искушенный и воин не из последних. От него князю больше пользы будет.
- В битве – да, – согласился Добрыня. – Но не в политике.
- Последнее слово дядя Владимира произнес по-гречески, чисто, изрядно удивив Сергея. Умен Добрыня. И, чует сердце, знает куда больше, чем говорит.
- Помоги князю, чем сможешь, – почти просительно произнес Добрыня. – Есть у тебя средства.
- «Это точно, – подумал Сергей. – Средства эти деньгами называются».
- Впрочем, одного наличия денег мало, тут Добрыня прав. Надо еще знать, кому занести и сколько.
- Вот еще меня удивляет, – произнес Добрыня. – Ты – человек больших заслуг. И богатств изрядных. А живешь скромно.
- Ну не сказал бы, – возразил Духарев. – Подворье мое далеко не маленькое!
- А дом – простой! И дружина твоя не с тобой живет, а за городом ютится.

Хрена себе – «ютится»? Сергей им целый Дитинец отгрохал. На своей земле, кстати. Тут же и табуны... Удобно.

– Я тебе что хочу предложить, воевода-боярин, – продолжал Добрыня. – Есть у великого князя своя земля, от матери доставшаяся, неподалеку от Киева. Три сельца полянских, небедных меж Киевом и Берестовым. Там, кстати, и твоя собственная земля – недалеко. Ставь там городок на берегу, и будет у тебя вотчина не хуже, чем у сына твоего. Владимир тебя князем жалует. Что скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.